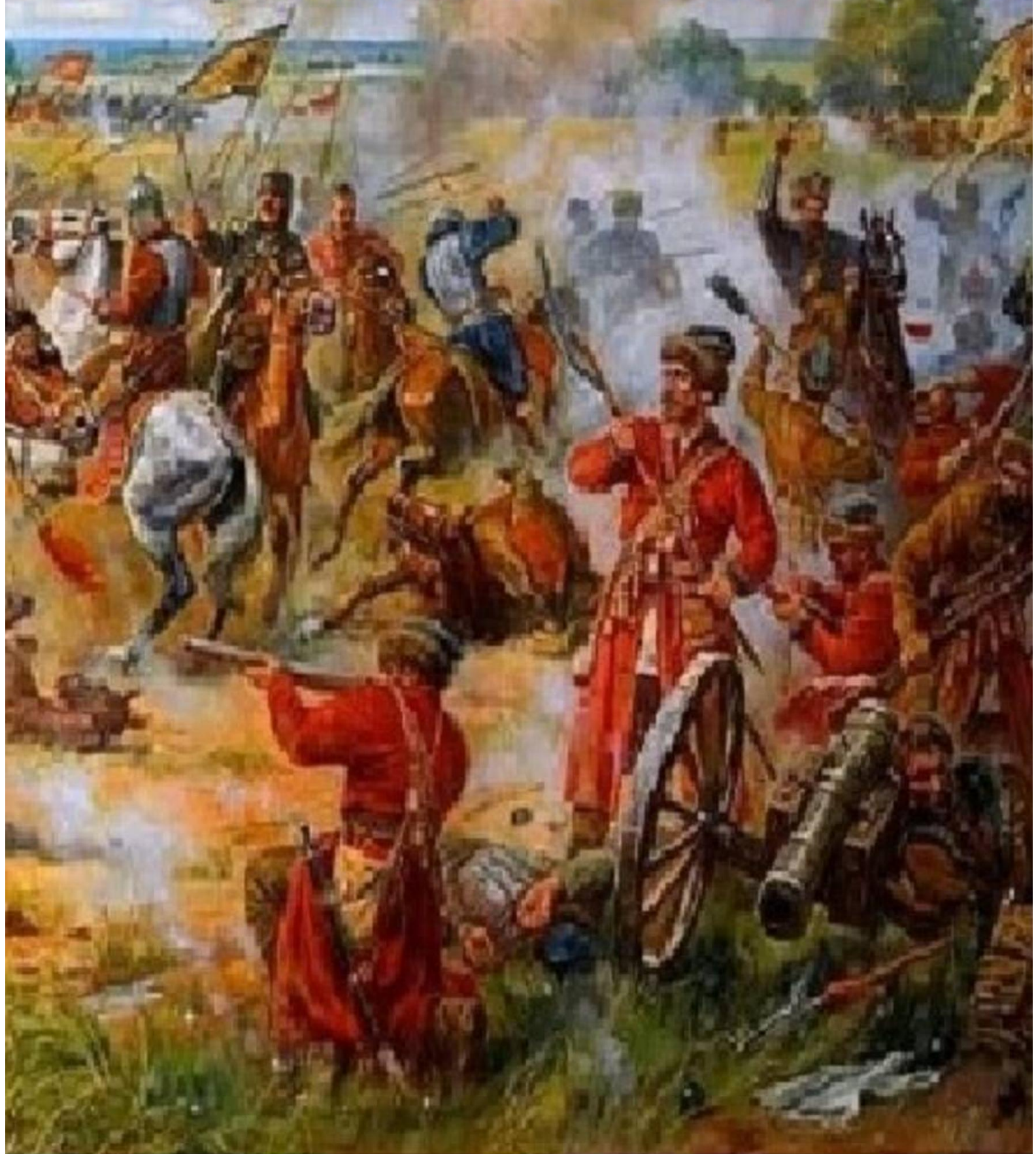

Денис Старый
Лжец на троне 4.
ВОЗВЕЛИЧИТЬ ПРЕСТОЛ

Денис Старый

Лжец на троне 4.
Возвеличить престол

«Автор»

2026

Старый Д.

Лжец на троне 4. Возвеличить престол / Д. Старый — «Автор»,
2026

Четвертая книга цикла "Лжец на троне". Наш современник попал в тело Лжедмитрия, при этом в самый неподходящий для переноса момент, когда заговорщики уже шли убивать царя Дмитрия Иоанновича. Он смог, лишившись престола, вновь сесть на царский стул. Уже прогремели победные трубы, враги поутихли, множественные заговорщики канули в Лету, но проблем хватает, как и тех людей, которые стремятся создать препятствие на пути становления империи. Трон укрепился, пришла пора его возвеличить.

© Старый Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Денис Старый

Лжец на троне 4. Возвеличить престол

Предисловие

Прошло уже более двух лет, как я попал в иное время. Гадать, что тому виной, или, напротив, чем я заслужил такое благо, нету смысла. Слишком много тут такого, чего понять и осмыслить человеку не суждено.

Сперва, пришлось мириться положением и просто бороться за свою жизнь. Играть в игру «пусть я умру, авось обратно перенесусь», не стал. Интуиция подсказывала, что смерть в этом мире будет конечной. По крайней мере, я не хотел проверять, так ли это. Я хотел жить не менее, чем жаждет жизни любой адекватный человек. Но жить достойно, а не гонимым всеми.

Персонаж, в который меня «внедрили», сложный и, будь у меня выбор, я ни за что не хотел становится Лжедмитрием. Но выбора не было. Да и ладно, если бы мое сознание перенеслось в тело рыжего низкорослого носителя бородавок в момент его въезда в Москву. Так нет же... в те события, в ходе которых в иной реальности Лжедмитрия убили. Просыпайся, тебя идут убивать! А тут рядом Марина Мнишек и она... так себе, на очень особенного любителя.

Бегство. Попытка хоть как-то закрепиться в этом мире, при этом ни одного верного человека рядом – вот что мне досталось. Был Басманов, не рядом, а около меня. И он, скорее, решал собственные задачи, чем являлся истинно преданным. Я смог не сразу, по крупицам, отдельным людям, но собрать тех, кто был готов рискнуть и пойти за мной. И чем больше таких людей появлялось, тем больше увеличивалось количество соратников. Еще бы – я же природный царь! Хотя это такие законы общественного развития, когда к большинству легче и выгоднее присоединиться.

Никто в этом времени не знает, что я Лжедмитрий. Да, догадываются. Кто-то и воров называет, но народ верит, что я и есть сын Ивана Грозного. А кто я на самом деле? Вот же проблемка – не знаю. Уже услышал несколько версий и все кажутся правдивыми, но правда же одна. Какая? Была бы память бывшего хозяина тела, так и ответил, но такой не имеем.

Я стремился вернуть трон, вне зависимости кто я есть. Только сидя в Кремле был шанс выжить, иначе буду либо гонимым, или же убьют. Возникали малодушные мысли бежать куда-нибудь в Америку. Но трусливые помыслы быстро выветривались ураганом решительности. И я добился того, чтобы вновь занять престол. Может потому это получилось, что Василий Шуйский еще не успел укрепиться на царском стуле, или же само наличие природного царя, меня, пусть и в изгнании, не позволяет крепко сесть на престол. И я смог вернуть свое.

Ну а далее остро встала необходимость прекращать Смуту. С севера шведы облизываются на русские земли, с запада – поляки и литвины никак не хотят оставлять свой шанс получить русские земли или вовсе, подчинить Россию. Не забываем о южных беспокойных соседях в лице крымских и ногайских орд. И что остается? Побрить голову и закинуть на ее ведро пепла? Или... сражаться, словом и делом доказывать свое право вести людей в бой и заниматься развитием страны. Заявления громкие – империя! Нужно соответствовать.

И... получилось. Не сказать, что легко, особенно первые сражения за право существовать русской державе, были кровавыми, и православная кровь обильно сдобрила сырую землю. Но мы учились, думали, тренировались, воспитывались. И вот, на берегу реки Угра я уже принимал капитуляцию польского короля Сигизмунда. А в это время Телятевский и Болотников, в компании с Ромодановским, били ногайские орды, стремящиеся совершить опустошительный набег на русские земли.

Но не только военные победы ведут государство к величию, нужны свершения и в экономике.

Англичане, традиционно, торгуют с нами, точно больше того, как это было в иной реальности. Голландцы заинтересовались далекой Россией. И есть же перспектива – Волжский торговый путь в Персию. Пусть шах Аббас и был не слишком приветлив к моему посольству, но и не так, чтобы отказал. А военные победы чаще всего заставляют задуматься соседей и сбить у них вредные мысли. Нам не так, чтобы много делить с персами, так почему бы не усилить друг друга?

Кроме торговли, даже в первую очередь, нужно наладить производства. Продавать же нужно что-то и не только зерно или пушнину. И я стал внедрять мануфактуры. Был уверен, что вот, сейчас, как грибы после радиоактивного ливня, попрут... Не поперли. Со скрипом, сложностями, большими тратами, единично, но все же появились первые производства с ручным разделением труда. И далеко не всегда производство растет из-за добровольной инициативы людей. Приходилось и воровать специалистов, содержать их, по сути в рабстве, пусть и сытом, даже богатым. Иных, это я про Строгоновых, пришлось изрядно так напугать.

Но пусть скрепит и дребезжит машина, но она едет, так и с нашей промышленностью.

С сельским хозяйством похожая ситуация. Тут вообще крайне патриархальная система не желающая меняться. Трехполье было только у столицы, а далее... не редкость и подсечно-огневое хозяйство. Но моих, царских, земель много, так что наведем порядок на них, тогда займемся и остальными. А еще мед... много меда. Тут же не знают про пасеки! Даже плодовых садов почти нет! И картошки... но это прогнозируемо и нынче решается, как и по остальным культурам из «колумбового» списка.

Никаких сложностей с наукой с начала своего восшествия на престол, я не встретил. А какие сложности могут быть, если самой науки просто не существует? Не было и системы образования. О какой системе вообще речь, если ни одной школы?

Однако, как оказалось, мой предшественник Борис Годунов, задумывался о такой проблеме и даже отправлял недорослей за границу. Получилось некоторых из этих бывших студеозусов пристроить и начать обучение, по крайней мере, хоть кого-то. Есть, правда, у нас еще София Браге с мужем. Это очень деятельная особа женского пола. Именно этот фактор – принадлежность к прекрасной половине человечества – главная проблема женщины от науки. Ждем решения и от Иоганна Кеплера.

А еще – я женат и счастлив в браке, воспитываю дочку-красавицу.

Так что фундамент державы залили, теперь нужно возвести стены, да повыше!

Глава 1

Глава 1

Москва

13 июля 1608 года

Столица бурлила. Народная демократия, пусть она и в значительной степени бутафорская, показная, это все равно стихия. Нет, мы не скатились до охлократии [власть толпы] с криками и мордобоем для более деятельного аргументирования своей точки зрения. Однако, людские массы, прибывшие почти со всех уголков большой страны, увеличили вдвое население Москвы. И де не крики, а тихий разговор такого количества людей – это уже гром. Третий день шел Земский Собор.

По сути, мы принимали Конституцию, пусть она и называлась Соборным Уложением. Не может держава развиваться, если не поставит четкие цели ее развития. Народ, как и правящие элиты, должен принять вектор развития, одобрить его, почувствовать себя частью великого. Из этого, как мне кажется, строится патриотизм. Единая национальная идея и причастность к ней.

Наше государство добивалась великих успехов только тогда, когда была сильная идеология и всеобщая цель. Пусть это будет «Москва – Третий Рим» и резкий рост Московского Великого Княжества при Иване III Великом. Или же идея европейской империи при Петре Великом. Поздновато, когда общество уже имело признаки разложения, появилась идеология в трех словах: «Самодержавие, православие, народность» и будь она принята чуть ранее, вероятно имела бы более существенные последствия, но и тогда дала новый толчок к развитию. Нельзя не заметить и успехи Советского Союза, где идея «светлого будущего» двигала людей на подвиги, и страна из ямы выбралась на гору.

Да, позже идеологии себя изживали, по ряду причин, и правящие круги не могли быстро среагировать на изменения разочарования великими идеями. Однако, смена векторов развития, это всегда оглядка на достижения прошлого. Советская экономика в первый период своего существования ориентировалась на показатели 1913 года, российская сравнивала свое развитие с 1991 годом. Мне с чем сравнивать? Со временем Бориса Годунова, но до начала великого голода. Так вот, пока не дотягиваем, прежде всего по людям, а они главные. Но я хотел дать новую идею, чтобы уже через десять-пятнадцать лет Россия стала столь сильной державой, чтобы быть важным мировым игроком, но при этом не голодать самим.

Возможно, это наша особенность – героически решать проблемы, которые сами же для себя и создали. И я рассчитывал, что проблемы Смуты преодолены и с куда как меньшими последствиями, чем было в иной истории. Там Романовым пришлось работать десятилетиями, чтобы нивелироваться потери от Смутного времени.

Ну и Соборное Уложение – это система. Ранее я только чуть касался системообразующих вопросов, теперь же, когда уверился, что мой трон вполне себе крепкий, принялся за фундаментальную законотворческую работу.

Год. Целый год порядка двадцати человек, с привлечением многих бояр, разрабатывали почти сто страниц основного закона государства. Не знаю, как получилось организовать работу в иной реальности, в 1649 году, но нам пришлось серьезно и, порой очень скучно и методично, поработать. Формулировки... как же муторно было над ними подумать, чтобы уменьшить возможности для иносказательности и интерпретации.

А еще принятие Соборного Уложения приурочено к 620-тилетию Крещения Руси. Это часть идеологии. Будут отслужены молебны, произойдет раздача нуждающимся хлеба, выставятся на всеобщее обозрение некоторые иконы, ну и... картина «Крещение Руси» – одно из

гениальнейших произведений некоторого, ранее итальянского, художника. Что интересно, картина написана не в столь депрессивном стиле или в темных тонах, что было присуще Караваджо ранее. Это яркое полотно, та самая светлая идея, которая ведет счастливых киевлян в реку для крещения. И пусть в реальности крещение было жестким или даже жестоким, сегодня это не важно, сейчас – это объединительная идея.

И вот через два дня праздник, а мы еще половину Уложения не обсудили и не утвердили. Хотя главные баталии были по поводу формулировок первого пункта.

Пункт I О державе Российской.

«Именоватъ державу Российскую Империей, допустимо и Царством, а государя – царем и государем-императором. Власть государя от Бога и священна. Царь заступник и отец своему народу, повинен ответ держать за дела свои перед Господом, яко истинному христианину быть поборником православия. Не может государь-император быть иноверцем».

Ну и так далее. Много, очень много всего. Сущность главного: Россия империя, государь православный, но запрета на иные веры нет никому, кроме самого государя и членов Боярской Думы. Хотя занимать иные должности нехристианам разрешены. Переход же из православия в иную конфессию запрещен, окромя случаев, когда девице царского рода потребно замуж выйти. И эти формулировки – величайшая битва с Гермогеном.

Я настаивал на том, что местные органы управления могут занимать лица-иноверцы, но патриарх требовал только православных. Вот как у калмыков назначить головой православного? Да и зачем? Наместником от царя – да, тут только православные, но с шовинистическим подходом мы только и добьемся того, что придется держать множественные гарнизоны в местах, где будут иноверцы. А расширяться приходится и на территории, которые не кишат православными. Нужно показывать свою гибкость создавать условия, когда быть православным элементарно выгодно, тогда и появятся всякие, условно «Урусовы». Но чинить запреты для иных конфессий – губительно. Терпеть восстания и набеги калмыков? А так они могут быть весьма полезными. Три тысячи тех же калмыков – это же решение проблемы с легкой конницей в сражении.

Вон, Юсуфовы, вполне себе существуют, даже весьма богатым селом Романово владеют и... мусульмане. А еще не было более жестоких воинов, чем в отряде Мурзы Иль, сына Юсуфа. Они, сами ногайцы по происхождению, но уничтожали ногайцев более остальных, не оставляя пленных даже для рабства.

Ну а что касается смены религии царевнами, так нельзя такой ресурс, как венценосные невесты, не использовать. Это так я, получается, подлец, и о своей же дочери, называя и ее «ресурсом». Но что ждало царевых дочерей при Романовых, в той истории, до Петра? Только монастырь. Ибо невместно выдавать царских дочерей за людей более низкого статуса, ну а за границу не отдашь, потому как веру сменять нужно. Вот так-то. По мне лучше сменить веру и занять себе потенциальных союзников в той же Европе, чем законопатить свою дочь в монастырь. На этом наши мнения с Гермогеном разошлись, но я продавил, как исключительную меру и только по согласованию с патриархом. И в ход шли и аргументы и доводы, которые, заканчиваясь сменились и угрозами. Гермоген, продавливая некоторые уступки и для себя, шел на уступки.

Важнейшим в Соборном Уложении была система управления государством. Так, я вводил ряд Приказов, в сущности, министерств: Тайных дел, Иностранных дел, Сибирский Приказ, Мануфактурный, Торговый, Военный, Науки, способный перейти в Академию Наук, Лекарский, Рудознатческий, Сельского хозяйства, Развития южных земель и Приказ Царского двора. Пока двенадцать, но заявлять на всеуслышание, что еще будет Морской Приказ, тринадцатый, я решил преждевременным. Вначале нужен флот, а уже позже будем думать, как им управлять.

Каждый Приказ будет возглавляться своим Приказным боярином. Можно было дьяком назвать, но я хотел начать процесс размыwania слова «боярин», как нанести еще один маленький, но удар по местничеству. Это с одной стороны, а с другой – повысить значимость своих министров. Каждый Приказной отвечает за свою работу передо мной и оценка простая: качество и количество. Дал сам 10 урожая – хвала тебе и слава, премия и награда. Это, если приказной боярин Сельского Приказа. Нашел серебро? Это для Рудознатческого – так же получи мое всяческое удовольствие. Поймал японского шпиона в Брянске?.. нет, это немного из другой эпохи. Но найду, как оценить и работу Тайного приказа.

Интересным представляется Приказ Царского двора, в который войдут двенадцать писарей и ряд иных должностей. Теперь создается тот самый двор. К примеру, появляется такой институт, как «невесты» – это то, что в европейских дворах называли «фрейлины», камердинер заменялся ключником, ну или ключницей, у нас это Ефросинья. Должности получали и командиры телохранителей – они официально становились «государевыми рындами», ну и распорядитель, а так же духовник и царский лекарь. Такой себе двор получался... патриархальный. Однако, и я не собирался устраивать «петровские ассамблеи» с пьянством и восхвалением Бахуса. А еще все должностные лица при дворе получают дворянство, если такового не имели ранее.

Соборное уложение также фиксирует разделение державы на воеводства и определяет функции воевод. Теперь они получают больше прав, но обязаны работать во всех тех направлениях, как и определены Приказы. И руду искать обязаны и мануфактуры открывать и торговлю вести. Есть успехи, реальное увеличение показателей? Успешный воевода! Нет?.. Внеплановая проверка и назначение царского соглядатая, который должен подсказать, в каком направлении развиваться. На воеводу государю, то есть мне, могут пожаловаться, но общественность. Напрямую я земства пока не ввожу, но в городах позволяю организовываться и спрашивать с воевод, которые должны рассказать о своей работе, но не отчитаться, последнее только перед государем. Получалось, что я требовал каждому воеводе найти своего «Козьму Минину», чтобы правильно и доступно доносить до людей идеологию государства, ну и озвучивать результаты работы.

Крепостное право... сложный был вопрос и, по сути, он отложен. Отмена права должна произойти через три года. Я пообещал, что новая система обработки земли даст возможность при меньшем количестве крестьян, получать большие, чем ранее, урожаи. Четверть земли при четырехполье и треть земли при трехполье, постоянно пустуют, земля отдыхает, потому и крестьян нужно меньше, так, по-дилетантски, я думаю.

При этом, между крестьянской семьей и помещиком заключается ряд, сроком от двух лет до семи, по которому, если все условия соблюдаются, крестьянин не имеет право уходить, или помещик выгнать работника. Люди... они нужны, а не сам факт закрепощения. Если будут люди, то крепостничество, в существующих реалиях, не так, чтобы сильно нужно.

И тут я выигрывал некоторое время. Три года крепостничества и никто никуда не побегит, так как в будущем маячит свобода. Это три года спокойствия, потому как восстания в этом времени во-многом соотносятся именно с положением крестьянства. Тот же Болотников в иной реальности, вел не только казаков, но и вчерашних крестьян, которые прибежали на Дон и оказались готовыми мстить за то, что их лишили привычной жизни, когда крестьянские семьи умирали с голоду. И сейчас таких восстаний не будет – это, как я думал, огромный успех и возможности.

Да, помещики, владельцы вотчин, оказывались недовольными. Боярской Думе, которая сохраняется, как главный совещательный орган, я объяснил с цифрами и примерами, что крепостничество не самый лучший вариант. Да, земли пустуют и нужно сохранить крестьян, чтобы те не убегали. Но убегали же потому, что был голод и от самого крепостничества. А еще так можно сильно понизить градус народного недовольства? Ну и... новые земли боярами обещал,

на юге, с тем, чтобы они включались в общую систему обороны от набегов. Донские казаки было затребовали себе пустующие ногайские кочевья, но все эти земли были объявлены царскими и я собираюсь испомещать туда часть именно что дворян. Они могут стать мне существенной опорой.

Где взять людей, чтобы заселять южные украины? Ну частью мы и так забрали уже у Речи Посполитой. А настоящая ситуация чуть лучше, чем была в иной истории. Не случилось серьезной замятни Смуты, так что людишек больше, чем могло быть.

Что касается системы пользования землей, то в Соборном положении есть и об этом. Только те, кто использует трехполье и следует всем советам Сельского Приказа, могут рассчитывать на помощь государства при вероятном голоде. И этот пункт я вдальблывал народу, как страшилку. Никакого зерна из своих хранилищ не дам, если не будет трехполья, и налажена практика сохранения урожая. А так же не менее десятой части посевных земель уже через три года должна занимать «огороднина»: картофель, фасоль и далее по списку. Для Астраханского воеводства и южных украин – подсолнечник и кукуруза. Правда подсолнух пока никакой, но попробуем на следующий год посадить только крупные семена, может тогда хоть что-то получим для масла. Кукуруза северного климата, даже тульского, не выдерживает, а вот где-нибудь на Донбассе вполне и только там, да у Астрахани, можем пробовать сажать кукурузу. В будущем от чего-то эта культура вполне удачно росла и на севере, но не сейчас.

В военной доктрине, что так же прописано в Уложении, Россия не может допускать и всячески бороться с набегам на ее земли. Рабства в державе для подданных нет, как нельзя допускать в отношении православных и в иных державах. Это намек, жирный такой, на поведение Крымского ханства. Новой засечной черте быть! Уже начали строить, благо нашли маломальский выход в виде опорных пунктов «звездных крепостей».

– На сегодня все! – усталым голосом объявлял Козьма Минин. – Завтра до полудня будет газета «Правда», там и все изменения прочитаете!

Народ начал расходиться с Лобного места. Я внутренне выдохнул. Тяжело, все это очень тяжело. Дни стоят жаркие, а я, отнюдь, не в шортах с майкой. Даже обрезанный кафтан, из облегченной ткани, который я предпочитают иному – это очень тяжело. А еще и кираса. Только за сегодняшний день я потерял не менее двух килограммов через выделение пота. Но дресс-код перед людьми Собора строгий.

– Козьма, на завтра еще много чего принимать? – спросил я, ощущая острое желание услышать, что уже закончили.

– Об лекарском укладе, об ученическом укладе и месте приходских школ, о поверстании в воины государевы, – стал перечислять Козьма Минин и мне хотелось закричать в отчаянии.

– Государь, а ты прими завтра польского посла Яна Сапегу, общество поймет, мы и сами примем, – посоветовал Минин.

Нет, раз затеял, то нужно держать марку. Ну а что касается польского посла, то его необходимо еще помуржить. Приехал он менять условия мирного договора! Пусть поволнуется. После приму, не хочу я серьезной замятни с поляками... пока не хочу.

– Подзови, Козьма, мне князя Пожарского. Нешта его не было видно, – повелел я.

Вот опять же, условности. Мне нельзя, невместно, самому идти к князю, даже, если мне очень хотелось бы пройтись и размять затёкшие ноги. Так что буду ждать князя. Или лучше было бы принять его в Кремле? Хорошая мысль, приходит опосля! Ладно, промаринуюсь еще на жару.

– Звал, государь-император? – прибыл Пожарский.

Я все еще сидел на троне на Лобном месте и жадно пил холодный, и где только так охладил, ржаной квас.

– Отчего тебя не было сегодня на обсуждении? Твой государь тут, терпит жару, с народом беседы ведет, а тебя нет, – упрекал я стольного воеводу.

Пожарский был назначен ответственным за материальное обеспечение Москвы в период Земского Собора. Нельзя было допустить дефицита продуктов, как и разных товаров. Люди приехали в столицу с деньгами, зачастую, собирали делегатов целыми общинами, чтобы они не посрамили регион, потому была возможность и заработать на этом, предлагая товары. На Захарии Ляпунове было обеспечение безопасности и вычищение Москвы от понаехавших разбойников, так что Пожарскому облегчили задачи, а он фрондирует свои обязанности.

– Прости, государь, разбирался с происшествием... – князь замялся. – Владимирская дорога перекрыта разбойниками и их более тысячи. Посылал уже две сотни конных... разбили воинов. Многие товары и продукты перехвачены татями.

– Как имя предводителя того? Разбойников? – я начал что-то припоминать из истории... Сольский, Сельский...

– Удалось взять десяток татей, сказывают, что это некий беглый крестьянин Сальский, – отвечал стольный воевода [разбойники Сальского в РИ в это время была существенной угрозой для Василия Шуйского. Разбойникам получалось перекрывать целые дороги и дважды разбить царские отряды].

– Кого ты посылал разбить татей? – мне стало интересно, так как кое-что вспомнилось.

– Сукина, государь! – виновато отвечал Пожарский.

Я не стал корить, упрекать, сведения подкинули мне пищи для размышлений. История же уже пошла по иному пути, даже сильно по иному. А вот такие персонажи, как Сальский, которые я считал неотъемлемым продуктом периода Смуты, все равно появляются. Так что? История, или назовем это «мирозданием», стремится вернуть события в нужное русло?

Да, нет же, перегрелся я на солнце. Ищу мистическое и сам себе объясняю то, чего нет, или что только в моей воспаленной фантазии. Но Сукин... этот же дворянин и был тем, кого первым разбил Сальский в иной истории.

– Отчего ты Сукина посылал? – спросил я, все равно не отпускало сомнение.

– Так... – Пожарский задумался. – Сам он вызвался. Хочет он показать себя... хотел.

– Обратись к Захарии! У него есть силы в Москве. Токмо сперва объяви, что государь помилует и сошлет в Сибирь, коли сами сдадутся. Нет... на колья усажу! – последние слова я сказал с металлом в голосе.

– Людям завтра на Соборе обскажу об том, тогда обязательно тати прознают, – вполне резонно решил Пожарский.

Заслушав доклад о работе, той, что кроме отлова разбойников, я устремился домой.

Пока мой дом Кремль, но на Воробьевых горах строится новый дворец-крепость. Меня все-таки убедили, что ситуация такова, что нельзя пока дворцы отстраивать с единственным хлипким забором, но место жительство государя должно быть крепостью. Я же хотел построить что-то вроде Зимнего, но это невозможно. Трое итальянских архитекторов, пусть и были выразителями барокко, но как-то далековато они оказывались в своих решениях до того стиля, что назывался «елизаветинским». Вместе с тем, пусть дворец и будет окружен рвом но все-таки по плану и внутренний дворик будет, и лепнина и шпильи. Когда я посмотрел на проект, то вспомнил экскурсию в белорусский Несвиж, где весь старый город и, прежде всего, замок, выстроены с барочным стиле. Вот нечто такое будет и у меня.

Ну не нравится мне в Кремле. Там работать можно, устраивать заседания Боярской Думы, но не жить. Говорят, что не место красит человека, а человек место. Может и так, но Кремль – это застывшее время, это история, а мы движемся дальше. Ну и... честолюбие, наврное, обуревают, так как хотелось оставить после себя и архитектурные памятники. Государь, если он стоящий, оставляет память и в камне. Иван III такие памятники оставил, вот и я хочу.

– Умаялся? – спросила Ксения, встречавшая меня прямо у Спасских ворот Кремля.

– Жарко, дождя хочу, помыться, – сказал я, стараясь отстраниться от жены.

Нет, за год наши отношения не претерпели изменений, если только не в лучшую сторону, хотя бывают и ссоры, но куда же без них. Ксения родила мне сына! Наследника! Да и в остальном: опора и поддержка. Не было бы предубеждений в обществе, так назначил именно ее Головой Лекарского Приказа. Уже есть лекарская школа, есть школа повитух, две аптеки в Москве. И многое из этого имеет частичку сил и даже души Ксении Борисовны.

– Что случилось? – обиженно спросила Ксения.

– Ты о чем? – недоумевал я, направляясь пешком к мыльне.

– Словно хворая я, сторонисься. Ты что, обиду таешь, что не пришла ночью? Так Ваня плакал. Прости! – Ксения понурила голову.

– Что ты говоришь? – я усмехнулся. – Воняет от меня, как от... сильно воняет. Вот дождь приму... а приходи в мыльню!

Ксения ободрилась. У нее послеродовая депрессия, как сказали бы в мире, из которого мое сознание перенеслось. Жене стало казаться, что она подурнела, что, видите ли, кое-где кожа висит. Ну а как она висеть то не будет, если недавно рожала, да после не занималась физическими упражнениями? Знает уже, что мне в женщинах нравится подтянутый живот. Но это же мои хотелки. И я принимаю ее такой, какая есть. А есть она вполне даже ничего. А как для меня, с сознанием уже далеко не молодого мужика, так вообще молодая и цветущая.

А дождем мы называем душ. Отчего-то слово «душ» ну никак не прижилось. А вот «постоять под дождиком» – быстро вошло в обиход. Устроить летний дождь не представляло труда, сама погода прогреет воду. Но есть мысли и о горячей воде в кране зимой.

– Приду в мыльню, но помоюсь отдельно. Ты холодной водой только и омываешься, – сказала повеселевшая Ксения. – А придем на свадьбу к Караваджаву?

– Вот говорил же, чтобы записали Караваджо, как Каравадова, а то – это «ж». Сложная фамилия получается. Но к Мишке придем, конечно. Сколько мне стоило трудов, чтобы их обвенчали? И чтобы не появится на свадьбе? – я улыбнулся и взял за руку свою супружницу.

Да чего уж там? Прижал ее к себе и поцеловал. Разве запах мужа может быть противным? Такой может, но мы все равно мыться идем... и не только.

Караваджо женится. Принял православие и женится. Все-таки женщины – это главная и сила и слабость мужчины. Лукерья завоевала сердце художника. Насколько долго? Посмотрим, но, как мне докладывали, у бывшего Микеланджело, а ныне, Михаила Фермовича появилась-таки еще одна женщина, которую он обожает и уже написал небольшой ее портрет. Ну, как женщина, – девочка, что родилась полтора месяца назад, их дочь с Лукерией. Пришлось мне лично разговаривать с Гермогеном, чтобы тот прекращал артачиться по поводу рожденной в блуде девочки, а обвенчал новоиспеченного православного.

При этом я видел, что патриарх Гермоген, избранный только полгода назад, несколько лукавит, он-таки ищет повод, чтобы зацепить меня и немножечко выторговать для Церкви поблажки. Пока он торгуется за вполне правильные вещи. Например, субсидии из казны для содержания новых братских школ в крупных русских городах, или деньги для организации приходских школ в бедных приходах. И я готов идти на подобные уступки. Переезд Могилевской, Слуцкой, частично и Киевской братских школ в Москву, Нижний Новгород и Тулу потребовал немало средств. И возложить все расходы на Церковь и местных воевод я бы не решился, уж больно щекотлив был этот момент, и хотелось бы сразу создать условия для переезда наиболее благоприятные и заведомо лучшие, чем были до того.

Киев пока и наш, и не наш. Город мы заняли по итогам соглашения с королем Сигизмундом, но Сейм никак не хочет договор ратифицировать. При этом я даже был готов заплатить за Киев, как это сделал Алексей Михайлович по условиям Вечного мира 1686 года. Но польская шляхта живет в каком-то своем мирке, и такого понятия, как «реал политик» не имеет. Сидят в Люблине, да все орут «не позволяем!», якобы они готовы только на то, чтобы отдать нам Велиж и Мстиславль. Последний мы даже и не просили. Но шляхта это считает более, чем

справедливым. Ничего, я отправил Болотникова с казачками, пусть подергают Вишневецких. Возможно, он уже это и делает, так как перед очередными говорильнями с поляками я хотел бы иметь более сильную переговорную позицию. В августе я приму Яна Сапег, будем поляков склонять.

Шведы подводят. Мы им даже передали немного провизии, пороха, а они как сели в Полоцке, так и не хотят оттуда выходить. Витебск у них польный гетман Жолкевский с отрядами шляхты Рожинского отбили, и Делагарди ждет, что поляки решаться на осаду Полоцка. Но чем королю осаждать достаточно большой город, если обороняющихся заведомо больше? Но почему шведы не продолжают экспансию? Я на это рассчитывал. Но, видимо, был просчитал и те же шведы сейчас сами не знают, как им выйти из сложившегося положения, чтобы не дать нам усилиться и играть выгодную посредническую роль.

* * *

Бахчисарай

18 июля 1608 года

Двадцать первый хан Крыма молил Аллаха, чтобы тот направил на истинно верный путь. Девятнадцатилетний Тохтамыш не был готов к тому, чтобы стать крымским ханом. Слишком рано умер его отец Газы Герай. Но черная смерть не щадит никого, и Аллах решил забрать мудрого крымского хана, оставляя путающегося в своих мыслях приемника. И все повалилось. Слишком мало было самостоятельности у Тохтамыша, жившего в тени своего отца, что решительно сесть на ханский стул.

В прошлом году, когда еще не было вестей о смерти отца, но в Кабарде уже были те, кто оплакивал великого хана, нашедшего смерть от болезни на Кабардинской земле, случилось так, что Тохтамышу пришлось самостоятельно принимать решения. Калга собирал воинов, чтобы изничтожить безрассудных гяуров, которые называют себя казаками. Но битва случилась без Тохтамыша

Многие татарские воины пали храброй смертью в сражении у Перекопа. Нельзя сказать, что крымские нукеры проиграли сражение. Много и казаков полегло в том сражении, но до того чубатые гяуры протиснулись у Перекопской крепости и разорили, убивая всех, четырнадцать татарских селений. Тохтамыш горел желанием отомстить, да у него и сил хватало для этого, но огромный ворох проблем свалился на плечи молодого парня, привыкшего жить решениями своего отца.

После того, как русские разгромили ногаев, немалое количество остатков, фактически уничтоженного народа, устремилось в Крым. Были бы это молодые воины, но большинством прибывших оказались женщины и дети. И на рабский рынок их отсылать неправильно ибо единоверцы, да и дружны были с крымцами, и кормить накладно.

Но не это – самая главная проблема. Падишах султан османов Ахмед Первый отказал в одобрении назначения Тохтамыша. Мало того, этот предатель Селямед, будучи в Константинополе, подговорил султана, и падишах объявил, что признает крымским ханом кого угодно, но только не Тохтамыша. Отец Гази умел отказать султану и вел свою политику, скорее, как союзник, но не как султанский раб. Между тем, Гази посылал немалое количество воинов для того, чтобы решить проблемы самого султана. Крымские воины воюют далеко от своих границ, в Анатолии, где подняли восстание племена джеллали. Крымский хан ранее резонно указывал на то, что у воинов Крыма достаточно задач и в ханстве, чтобы отправляться далеко на юг.

– Сефер, мы оба с тобой молоды и приняли державу в сложный момент. Посоветуй мне, что делать, ты же мой калга, – вопрошал хан Тохтамыш у своего младшего брата.

– Брат, великий хан, бегут от нас иные мудрые люди, и все их дороги пересекаются у ворот дворца падишаха османского.

– Так что, ты мне советуешь идти на поклон тому, кто готов меня унижить? Этого доби-
вался наш отец? Или ты не понимаешь, что нас просто убьют? Он не оставит меня ханом, –
сокрушался Тохтамыш.

– Султан своими руками не осмелится.

– Не хочу я ехать. Рабом быть не хочу. Ты понимаешь, брат, что турецкие янычары при-
дут в наши города, что они обложат своими крепостями всю нашу землю. За это боролся наш
отец? – отвечал Тохтамыш и вдруг встрепенулся. – Как думаешь, отчего московским гяурам
удалось так легко разбить ногаев? Ранее я думал, что ногайские воины сильные и умелые.

– А ты спроси кого из русских. Посол их уехал да оставил в Бахчисарае слугу своего, –
предложил Сефер.

Через три дня во дворце великого хана стоял в низком поклоне молодой, но далеко не
глупый, подьячий Козьма Лавров [персонаж реальный, но оказался подьячим в Крыму зна-
чительно позже описываемого периода, но фамилия весьма интересная]. Тохтамыша слегка
передернула ситуация, что русский нарушил протокол и не приполз к хану на коленях с опу-
щенной головой. Так кланяться, как это сделал чуть ли не ровесник самого хана, мог только
полномочный посол русского царя.

«Может, он и посол, тогда москвиты меня не уважают, коли такого молодого прислали,
и не уведомили меня» – подумал Тохтамыш, но не изменил степень суровости своего вида,
действуя по принципу, если не хочешь неловких и компрометирующих ответов, не задавай
сложных вопросов.

– Представься Великому! – потребовал один из распорядителей дворцами Великого хана.

– Подьячий Козьма Лавров, великий, и полномочия мои малы. Пока государь москов-
ский, император российский, решает, кого послать к тебе, Великий хан, в посольство, я оста-
юсь и представляю волю государя моего, но принимать решения я не могу, лишь быстрее пере-
дать твои, великий, – ответил Лавров и стал ждать для себя самого страшного за упоминание
титула «император».

Крымский хан прекрасно понимал значение слова «император». Понимал он и другое,
что номинально, но Московское царство – вассал крымского. А как еще назвать государство,
которое платит другой державе дань? Вопрос только: платил ли? Три года, как Москва не при-
сылает, так называемые «поминки». Это уже большие деньги, в современных условиях – чуть
меньше не треть всего наполнения казны Крымского ханства, особенно после того, как послед-
ний набег на Речь Посполитую оказался весьма спорным, можно сказать, что и неудачным.

– А, что москвит? Помнят ли в Москве имя такое, как Тохтамыш? – ухмыльнулся Вели-
кий хан [тут хан намекает на то, в 1382 году хан Тохтамыш сжег Москву].

– Я знаю, великий, что в битве на, и без того славной реке Угре, где был разгромлен
польский король, государь вспоминал о подвигах предков, – остроумно ответил Лавров [подья-
чий намекает на стояние на реке Угра, которое считается окончанием монгольского ига. Пусть
тогда Крым и был, скорее союзником Москвы, но отсылка к эпизоду могла ударить по често-
любию Тохтамыша].

«На Угре гяурам проиграл хан Ахмед, в Константинополе так же сидит Ахмед. Оба
неудачники. Мне бы ресурсы османов...» – подумал Тохтамыш, но в слух говорил иное.

– Передай своему правителю, что ему не следует забывать, как полыхают в пожарах дома
в Москве, когда грозное ханское воинство подходит к стенам вашей столицы! – говорил Тох-
тамыш громко, чтобы присутствующие при разговоре запомнили слова хана.

«А тебе, пес, стоило бы вспомнить битву при Молодях, после которой твое разгромлен-
ное воинство бежало» – подумал Лавров, но, естественно, не стал подобное озвучивать и без
того сказал многое, за что могут прямо здесь лишиться жизни.

– А еще, я требую от москвитов-руси, чтобы дань была выплачена в полном объеме.
Половиной серебром, половиной – пушками, белым оружием, что вы забрали у ногаев и поро-

хом. Пятьдесят пушек! – хан торжественно закончил свой спич и, не дожидаясь ответа, отправился прочь.

Уже в соседней комнате Тохтамыш обратился к своему брату:

– Что думаешь, Сефир?

– Если у нас будет много пушек, а с имеющимися, их достаточно, и, если получится обучить топчу-пушкарей... Султан сильно заволнуется. А ты проявишь благоразумие и пришлешь богатые дары. Он их примет и все будет хорошо, как при нашем отце ранее, – задумчиво говорил калга ханства.

Сефир был молод, всего семнадцать лет, однако он обладал большим умом, чаще предпочитая не воинские занятия, а книги и изучение премудростей многих восточных стран.

Между тем, молодой поросли правителей Крымского ханства не хватало опыта. Нужно поговорить со своими союзниками или врагами, понять, какие они люди и на что способны, проанализировать информацию, которая поступала бы с разных источников. Узнай Тохтамыш лучше российского императора, как и итоги прошлогодних военных компаний, то решение взять поминки с России могло быть сильно скорректировано.

– Мы будем готовить поход? – спросил Сефир.

– Из всего сказанного так и есть, поход за ясырем к московитам нужен, но в этом году уже поздно. Пока соберем всех воинов, уже будет осень и земля станет непроходимой грязью, да и холод придет. Но в следующем году... – Тохтамыш потер ладони.

Глава 2

Глава 2

Константинополь (Стамбул)

22 июля 1608 год

Падишах, султан Османской империи Ахмед I расслаблялся в объятьях той, кого он нарек «Кесем», то есть «любимая». Строптивая наложница, что сводила с ума молодого правителя, ждала своего часа и рассчитывала, что он настал. Да, оставалась главная жена султана Махфируз, но та сильно подурнела после двух родов, да и была глупа. Жена теряла свое главное преимущество – милую мордашку и великолепное тело, а более, как оказывалось, у нее достоинств и не было.

Иное дело Кесем, которая оставалась красивой, своенравной, женщиной, той, что так напоминала Ахмеду властолюбивую и, казалось, всемогущую, бабушку. А еще Кесем умела договариваться и привлекать на свою сторону людей. Вот и новый визирь Куюджу Мурад-паша дружен с наложницей султана.

– Господин! Визирь писал тебе из Анатолии? – проворковала наложница, поглаживая спину утомленного любовью султана.

Она знала, что в таком удовлетворенном состоянии, когда кончики нежных пальцев гладят господина в нужных местах, султан готов говорить и рассказывать все, не таясь. И Кесем умела и выведать информацию и, что еще важнее – воспользоваться ею. Это благодаря ей Мурад-паша оказался в нужном месте и в нужное время, да еще и сказал то, чего более остальных жаждал услышать султан. Вот и появился новый визирь, который лично признателен пока всего-то одной из наложниц, но с которой господин встречается чаще остальных жительниц гарема.

– Да, он обещает разгромить мятежников и сообщает, что уже один из главарей презренных бунтарей дал мне клятву верности. Мне его методы не нравятся. Он жжет селения и уничтожает моих подданных, пусть те и оступились. Но в Анатолии был же голод и чиновники крали все дотации, которые поступали в регион, – рассказывал Ахмед [в РИ султан фактически признал свою неправоту перед восставшими, объявив, после жестких мер визиря, амнистию и отправляя помощь. Не совсем типичное поведение для султанов того времени, что, скорее говорит о слабости].

Кесем приняла к вниманию слова господина и решила отписаться визирю, чтобы Мурад-паша придумал, как показать себя не только карателем, но и милосердным. Пусть это будет мелочно, к примеру, спасти и облагодетельствовать всего одну деревушку. Но Кесем знала, что событие, даже и незначительное, может стать величайшим. Все зависит от того, как о событии говорить.

Этот султан был слишком мягкотелым. Вернее не так, он хочет быть милостивым, но, когда сталкивается с предательством и с тем, что его милости в итоге приводят к еще большим жертвам, правитель становится и сам излишне жесток. Слабые люди у власти порой именно жестокостью компенсируют свои страхи.

– Скажи, возлюбленный мой господин, а как получается, что на севере твоей державы зреет новый бунт? – спросила Кесем и стала целовать Ахмеда, лишь чуточку прикасаясь губами к коже спины, при этом изящно изгибаясь своим ухоженным, гибким и чувственным телом.

Вопрос был весьма опасный. Султану не нравится слушать о проблемах, если еще не найдено их решение. В Анатолии решение принято и уже состоялись две стычки с повстанцами, в которых несколько отрядов бунтарей были уничтожены. Но Крым... умерший хан Гази

выказывал слишком много сепаратизма, почувствовав, что власть султанов незначительно, но пошатнулась. Не той силы нынче были падишахи, хотя говорить о каком-либо упадке государства нельзя. Только зверь чует, когда вожак начинает сдавать позиции. И тогда любой самец может испытать судьбу, бросая вызов.

– Ты же не про Крым, а про руси? Московиты... да, они вынырнули из неоткуда. Мне уже говорят, что персидский разбойник Аббас готовит посольство в Москву. В прошлой большой войне с Персией Аббас не проиграл только потому, что получил сто русских пушек. Что если русские продолжают продавать свое оружие персам? Или пошлют свое войско? У русских много воинов. Для того и есть Крымское ханство, чтобы сдерживать Московию и Польшу, – султан возмутился, но с ленцой.

Кесем знала, как добиться состояния у своего господина, при котором он не способен на сильную эмоцию. Вот только такое продолжаться долго не могло, скоро нужно вновь перейти к активному проявлению любви, после чего султан на пару дней охладает к плотским утехам. Так что нужно выжать из ситуации по максимуму.

– Нового хана Тохтамыша нужно менять, господин! – сказала женщина, разворачивая Ахмеда на спину и начиная целовать его в шею.

– Ты о Селямете? Он и его свита обходятся мне не дешево, но я уже объявил о том, что не признаю Тохтамыша ханом, – с придыханием, наслаждаясь ласками Кесем, говорил султан.

Селямет, дядя непризнанного крымского хана Тохтамыша, договорился с Кесем, или, скорее, она с ним. Это благодаря наложнице дядя того, кто по наследственному праву и должен оставаться ханом, был вопреки всему провозглашен султаном правителем Крымского ханства. Но Селямету от Ахмеда нужно не только это, не простое признание, а войска, финансовая и более деятельная политическая поддержка.

– Ты окажешь ему помощь? Янычар направить, или прекратить торговлю с Крымом. Все равно рабы в последние годы мало поступают на рабские рынки, – ворковала Кесем, заменяя поцелуй работой своих нежных, но все более шаловливых ручек.

– Ух... – наслаждался султан. – Помогу...

– Мой господин. Появляется еще один игрок. Московия заявляет о себе. Если они начнут торговать с персами, то усилятся твои враги. Пошли Селямета с войском в Крым. Много воинов не надо, в ханстве немало тех, кто примет нового правителя, тем более, лояльного тебе, – Кесем принялась целовать своего господина, медленно, одаривая нежными поцелуями, спускаясь к животу правителя османов.

– С московитами нужно сперва поговорить. Я бы и с Тохтамышем поговорил... а-а... – Кесем не давала договорить своему господину, прикасаясь к самым интимным местам Османской империи.

.....

Москва

16 августа 1608 года

Сегодня у меня день сложный, полон встреч, которые, вероятно, будут не простыми. Наверное, все-таки одна из запланированных аудиенций наиболее сложная. Уже давно прибыло польское посольство. Я-то думал, что для того, чтобы наконец сообщить о ратификации так называемого Смоленского договора, но нет, меня решили продавливать. Ничего, силенок не хватает, но я-то знаю, как проходили консультации польского посла Яна Сапеги с Главой Приказа Иностранных Дел Семеном Васильевичем Головиным. Я первоначально поставил задачу перед своим боярином, чтобы он как можно больше измотал польское посольство. Вот, и изматывали друг друга Сапега и Головин. Ян оказался также не лыком шит, и стержень в своем характере имел.

Ну, а мне останется, после всех разговоров, либо указать на дверь Яну Сапеге, либо все-таки дать указания для составления мирного договора. Хотя договор уже давно составлен. Ну как иметь дело с таким соседом? Договорились с Сигизмундом, я уже повелел вводить наши войска в Киев и Велиж, оставить Могилев. А тут Сейм и говорильня. Шведы подгадили, прекратив активные действия, того и гляди на переговоры пойдут.

И я даже сложно спал, в преддверии переговоров. Но с самого утра прибыл Гермоген. У меня с ним складываются сложные отношения. Еще не было ни одного вопроса, чтобы патриарх засучив рукава побежал исполнять, до того не поспорив со мной. Но, что не отнять у Гермогена, так то, что он никогда не сидит без дела, и, если мы о чем-то договорились, то я могу забыть о деле и оставаться уверенным, что будут приложены всевозможные усилия для решения проблемы.

– Владыка, что ж тебе не спится? С первым петухом уже у моих покоев. Государь я, али как? Поспать могу? – говорил я и непроизвольно зевал.

– Сам говорил же ж, государь, что работать нужно, а сон – сие зря потраченное время, – произнес Гермоген и покосился на диван в моем кабинете.

– Да, но солнце даже не взошло. Садись, владыка, в ногах правды нет! – сказал я, будучи осведомленным, что у патриарха подагра и периодически побаливают ноги.

Говорили ему лекари, кабы в мясоеды не сильно налегал на мясо, особенно переперченное. Но, куда ж там, его ж молитва лечит. Ну а попить мочегонного, тем более на основе травки... нет, молитва и все тут. Ну да леший с ним.

– В ночи прибыл ко мне человек, которого по уговору с тобой я посылал к Александрийскому и Иерусалимскому патриархам. Как же мне спать-то лечь, коли новости такие, – глаза Гермогена сверкнули неподдельной радостью, даже счастьем.

И наступила тишина. Вот любит он все-таки на пустом месте создавать сложности в разговоре. Нет бы все рассказать сразу без этих театральных пауз. Как будто мстит мне постоянно.

– Не томи, владыка! – чуть ли не взмолился я.

Думал на пробежку выйти, да к детям сходить, зарядиться положительными эмоциями перед сложным днем. Помыться так же нужно, душ принять, а тут, видимо все это время решил занять патриарх.

– Отписались мне, да и тебе, государь, письма прислали. Твои письма тебе принесут, видать, не желали будить в ночи. Но, думаю я, что у нас единое написано будет. Попросят содействовать во Всеправославном соборе, – ответил патриарх и самодовольно облокотился на спинку мягкого дивана из последней линейки моделей.

– Правильно ли я понял, владыка, что патриархи желают провести у нас этот собор? – спросил я с надеждой.

Суровое лицо патриарха озарилось улыбкой абсолютного счастья.

– Ух ты ж... Это ж, – растерялся я.

Чуть больше года назад я, можно сказать, мечтал о том, чтобы нечто подобное произошло, чтобы Российская империя на весь мир заявила о своем лидерстве в православном мире. Ну, а я, получается, должен был стать, да чего там, главным монархом-поборником православия. Кроме всего прочего приезд патриархов – это такой мощнейший инфоповод, который позволит не то, что укрепить русский престол, но и возвеличить его. Причем и в глазах собственных подданных и в понимании иностранцев.

У всех ведь какое понимание ситуации? Православный мир стелется под османского султана, где Константинопольский патриарх марионетка. Ну и часть этого православия, признавая Флорентийскую унию, учится в Риме. В таких условиях только Александрийский патриарх осмеливается что-то говорить от своего имени, призывая забыть о Константинопольском престоле [В РИ проблему упадка авторитета Константинопольского патриарха султан Ахмед

решил простым способом – предложит Александрийскому стать Константинопольскому при условии, что у патриарха будет больше самостоятельности].

– Это ж сколько нужно всего сделать? А когда они приедут? Где их встречать? А, может, лучше им через Персию прибывать? Османский султан будет недоволен, – задал я, может, только один процент из ста множества вопросом.

– Государь, а когда я перееду в Кремль? – с ухмылкой спросил Гермоген.

Таким развеселым я его еще не видел. Но веселье это хорошо, а с Гермогеном нужно держать ухо в остро. Под шумок опять завел шарманку о Кремле.

– А ты, владыка, не наглей! Куда меня выследишь с семьей? Пока хоть часть дворца на Воробьевых горах не построим, мне некуда съезжать, – сказал я, всерьез раздумывая, что готов приедем патриархам уступить даже свои покои.

– Главное, государь, что ты не забыл слова свои, – сказал патриарх.

Да, было такое, я обещал отдать Кремль под семинарию, если наше русское православное учебное заведение будет признано всем православным миром. Идея в том, чтобы именно в Россию ехали учиться православные иерархи, казалась почти невозможным проектом. Сейчас это все кажется вполне реализуемым. И под такое дело не грех и Кремль отдать.

– Так что, государь, мог ли я спать, когда за полночь прибыли вести? – развел руками патриарх.

– Понимаю тебя. И когда думаешь можно собрать в Москве Вселенский православный Собор? Или как его еще назовете? – спросил я.

– А, почитай, следующим летом, – отвечал Гермоген.

– Так, владыка. Обсчитай, сколь денег нужно, кабы привести в подобающий вид близкие к Москве монастыри и храмы. Обратись к Караваджеву... – стал я накидывать задачи, которые можно уже сейчас начинать решать, но был перебит возмущенным патриархом.

– Государь, зашибу его. Вот православным стал сей охальник, токмо нечист он душою, – возражал Гермоген.

– Ты, владыка, определись: образа от него тебе нравятся, сразу в храмы несешь, порой забывая плату художнику положить. Картину «Крещение Руси» затребовал в Троицко-Сергиеву лавру и спорил со мной об этом два дня. А он у тебя все еще охальник. Как может охальник святые образа писать? – пытался я пристыдить патриарха.

– А ты, государь, не путай. То его руку Господь направляет, и образа он пишет одухотворенно. Видел я, как божья благодать в глазах его искрилась, а вот кисти положит – так Лукавый его обуревают, – отвечал патриарх.

А я подумал о том, что повезло и России, да и самому патриарху, что он подсмотрел за художником в момент когда тот писал икону. На самом же деле лицо Караваджева еще более озаряется вдохновением, когда он пишет картину «Мадонна Московская, кормящая младенца», где Лукерья кормит грудью их дочь. Хорошо, что темпераментный итальянец все-таки чуть поубавил свою спесь и бескомпромиссность, и учится быть лояльным. Но надо написать картину для церкви, так напиши, тем более, что за это ты получишь очень неплохие деньги. Уверен, что не меньшие, чем платили в итальянских городах. Ну, а хочешь заняться творчеством? Так занимайся. Тем более, что я согласен выкупать все его картины. Может быть получится выставить их только моему внуку или правнуку, но – это вклад в будущую русскую и мировую культуру.

А еще со следующего месяца начинает работать большая мастерская Караваджева, в которую уже отобрали пятерых, как сказал сам маэстро, «небезнадежных» учеников.

– Владыко, ты будешь на переговорах? – спросил я.

– А как же кесарю кесарево? Не ты ли радеешь, чтобы Церковь не вмешивалась в мирские дела, особенно касаясь иноземных дел? – лукавил патриарх.

– А ты, владыко, найди момент, да обскажи то, о чем сам же писал в «Правде» про притеснение православных и что Российская империя должна взять на себя ответственность по защите паствы, – сказал я и улыбнулся.

– Лукаво. Прости Господи! – патриарх перекрестился. – Через меня припугнуть ляхов хочешь?

– Умный ты человек, владыко! – я рассмеялся, рассматривая реакцию патриарха.

Когда Гермоген догадывается, что ему льстят, саркастически разговариваю, ерничают, но не может основательно все осмыслить, он смешно хмурит свои брови «а-ля Брежнев» и они у него смешно двигаются.

– Не по душе мне в плутовстве участвовать, государь, – после продолжительной паузы сказал патриарх. – Слово мое, коли оно сказано, исполнено быть должно.

– А я и не отказываюсь, владыко, объявлять о защите православия. Коли есть у нас возможности стать первой православной державой, то должны и опорой быть для всех православных, – уже серьезно говорил я.

– А коли ляхи какой закон примут о запрете, али новым притеснением нашей веры? Ты войну начнешь? – спросил Гермоген, но сам же отвечал на свой вопрос. – Нет, не будет войны! Я уже понял тебя. Ты не хочешь неподготовленных войн. И все то противостояние, что было год назад, оно вынуждено, от чего ты и печалился. Так что войну не объявишь, а слова будут сказаны. А что будет, коли слова сказаны, а за ними ничего нет?

– Ты прав, владыко, но и не прав в то же время. Все должны знать, что мы готовы воевать для подтверждения своих слов. Ведь не так и обязательно идти сразу же в бой, главное, чтобы враг был уверен, что мы это сделаем. А для того есть наша газета «Правда», есть разведка, коей Захарий Петрович Ляпунов руководит. Мы подведем войска, отведем их, объявим во всеуслышание, что готовимся к войне и преувеличим свои силы. Много есть возможностей ввести в заблуждение ворогов, – говорил я, при этом понимая, что, действительно, есть в словах патриарха зерно истины.

Тут нужно понимать существующие реалии, когда политика еще более-менее прямолинейна и за свои слова нужно отвечать. Это в будущем можно долго и упорно говорить о том, что будет, если... А случись это самое «если», так и заднюю дать. В этом времени с таким подходом сложнее. Вместе с тем, те же византийцы-ромей описываемым способом много вопросов в своей политике решали, при этом долго «держали марку», будучи уже не в силе.

– Плутовство сие, – патриарх повторялся. – Но я помогу тебе, государь, как ты поможешь русской православной церкви стать во главе православного мира.

«И кто из нас еще плут?» – подумал я, но решил уже заканчивать разговор.

– Откушай, владыко, со мной! – пригласил я Гермогена на завтрак.

Ксюха на завтраке была сама скромность. Глазки потупила, медленно ела, при этом крайне мало, в разговор не встревала, если только не в угоду патриарху.

– И что это было? – спросил я жену, когда патриарх решил сходить проинспектировать кремлевских священников, а на самом деле, наверняка, добавить к завтраку, так мы ели ну очень скромно: овсянка с вареными яйцами, салат из огурцов со сметаной.

– Ну а как еще быть, когда и патриарх за столом нашим? Ты понять должен! Меня выдернули из монастыря, по Кремлю ходят сплетни, что мы с тобой... – Ксения зарделась. – Расслабилась и кричала той ночью, уж больно ты резвый был. Тише нужно, а вроде и муж с женой, а непотребство какое.

– Эй! Не нужно тише! Пусть завидуют нашему счастью! – я, действительно, испугался, уж больно в последнее время мне нравится то, что мы делаем в постели. – Мы муж и жена и...

– И ты семя изливаешь мимо! – упрекнула Ксения.

– От того, чтобы побережь тебя. Лекари говорили тебе, что больше половины баб помирают если не при родах, то от истощения от частых беременностей? – уже и я повысил голос. –

И я так решаю! Детей беречь нужно родившихся, а не рожать каждый год и уповать на волю Господа. От того так же и дети мрут, что матери больные.

– Тогда то, что мы делаем – блуд! – выкрикнула Ксения и резко встала из-за стола. – Я по-твоему блудница? А еще девок стало много в Кремле, да приставил ко мне молодых невест, что все под стать твоему вкусу? Молодые...

Разъяренной фурией Ксения вышла из столовой.

А что, бывает так, чтобы в семье не было ссор и оба супруга всегда относились друг к другу адекватно? Может и есть у кого, но я об этом не знаю. И мы иногда ругаемся. Зато потом... как же сладостно и страстно миримся!

Подарить что ли цветов жене? Нет, она их ненавидит. Территория Кремля усеяна тюльпанами и розами настолько, что пестрит в глазах и подарить букет, условно, сорванный с клумбы – не лучший вариант. Но я знаю, что можно было бы подарить Ксении – кольцо. Я выкупил у одного персидского купчины очень интересные рубины, которые обошлись в большие деньги.

Ну и в Москве поселился один армянин-ювелир, ему и закажу, а то, как я узнавал, нет у мастера хороших заказов. Пока нет, думаю ему же заказать первые в истории России награды: ордена и медали. Пусть переоборудует свою мастерскую в мануфактуру.

Переселению армян шах Аббас особо не препятствует. И это отличный знак. Вот что делают победы на полях сражений! Тебя сразу начинают уважать, думать, что поиметь с такого дерзкого и кусачего соседа. Кроме того, есть сведения, что персы уже отправили свое посольство, и оно точно вышло из Астрахани в направлении Казани и Нижнего Новгорода. А еще недавно я всерьез думал, что Аббас рискнет и пойдет на Астрахань.

Отношения с Ксенией сегодня не должны застать разум. Она отойдет. Это послеродовая депрессия, помноженная на слом мировоззрения традиционного воспитания. Как же так, проявлять активность в постели, да еще и получать удовольствие? Соитие же нужно только лишь для зачатия детей! И ведь сама же будет ждать меня сегодня ночью у себя, станет изводиться, надумывать абы что. На утро станет расспрашивать у той же Фроси, не был ли я с кем ночью. Вот возьму, да и побуду! Чтобы знала! Или это все же мысли не взрослого человека? А кто в отношениях с женщиной всегда рассудительный? То-то! Рациональные отношения это, по моему, оксюморон.

– Что, Лука Мартьянович, – обратился я к своему помощнику. – Есть ли какие сведения о Яне Сапеге?

– Да, государь, имеются. Ему дали пострелять с новой пищали Митрофана Лютова. Посол остался весьма задумчив. Ну а после того, как его сопроводили к пушечный приказ, расстроился, – докладывал Лука.

Жаль, очень жаль, что пищаль Лютова, а на самом деле, детище большого коллектива с привлечением даже ювелира, пока не может поступить в массовое производство. Нет ни культуры производства, технологии не освоены. Сделать дюжину, ну пусть двадцать, ружей в месяц – пока это самое большее, на что я могу рассчитывать.

Да, обучаются ученики, скоро рассчитываю на не менее ста оружейников. При этом в Туле и так были те самые мастера, чинившие, иногда и справляющие пищали. Но проблема была еще в том, что каждый мастер крайне неохотно шел на сотрудничество, охраняя свои секреты. Понять можно – это их хлеб. Но для общего дела должны работать все. Крайне не хотелось мне закупать втридорога оружие у голландцев.

Для организации производства, в Тулу, я направлял Ивана Макаровича Маслова. Этот наставник, казалось, умеет и знает все, что только может знать человек в этом времени. Однако, пока о массовом производстве стоит только предполагать. Готов проект оружейных мануфактур, в которых будут целые цеха: по производству ложе, стволов, штыков, замков, ну и сборочный цех. Подобное разделение должно выводить, по сути завод, на проектные мощности в сто пятьдесят-двести ружей в месяц. Но... станки... то, что я помнил и может быть создано в

этом времени, уже работает, то же ложе будет точиться на столярном станке с ножным приводом. А использоваться будут более легкие и прочные породы: орех и бук. И то и другое дерево хорошо произрастает на севере Османской империи и их продажа, через контрабанду, вполне вероятна. Ну а одно дерево – это уже дюжина лож.

Но проект, проектом, а пока он не реализован, придется идти по экстенсивному пути через увеличение количества мастеров, которых будут обучать те, кто уже производит новые пищали.

Главное, что было модернизировано в ружьях – замок и уменьшение веса оружия, прежде всего для того, чтобы иметь возможность использовать штыковой бой. Сложно орудовать ружьем в ближнем бою, если вес оружия семь кило и более. Может для человека сильно физически развитого и можно осилить штыковую атаку такими карамультаками, но подобных силачей было мало. Так что уменьшили вес ружья до чуть менее четырех килограммов, если говорить мерами будущего, которые никак не хотят использовать современные мне мастера. Ювелир Акоп Микосян смог поучаствовать не только в создании устойчивой конструкции ударного замка, но, не без моей подсказки, создал крепление для штыка таким образом, что с примкнутым штыком можно было и стрелять. Заряжать ружья с примкнутыми штыками крайне неудобно и травма опасно, но стрелять можно.

Что касается ударного замка, то, к сожалению, он пока кремнево-ударный, что обусловило многие осечки, примерно двадцать на сто выстрелов, а так же быстрый износ огнива, скорое загрязнение нагаром затравочного отверстия. Так же порох нужно было часто менять, так как отсыревал. Но... это был уже большой шаг вперед.

Разумеется, мне, как офицеру, было известно, что такое капсюль. Я даже знал, что прежде в ударно-капсюльном замке использовалась гремучая ртуть. Но вот чего во мне нет, так склонности к химии. Знаю, что и тут нужна азотная кислота, вывести которую не знаю как. Знал бы, так и о бездымном порохе подумал. Я даже некогда лишь фрагментарно знал основы взрывного дела. Как заложить взрывчатку, рассчитать ее количество, это получалось всегда, но как вывести тринитротолуол, не знал. Может еще взрывчатку на основе марганца и пороха мог бы сладить, но марганца тут, вроде бы, не знают.

Между тем, я посчитал, что инновации в оружии должны идти эволюционным путем, схожим с тем, какой был в иной реальности, может только с частичной корреляцией. Придем и к капсюлю, но позже. Есть еще опасность, что с нашим, пока не сильно развитым, образованием, как и профессионализмом, мы рискуем очень быстро оказаться далеко позади европейской военной мысли, основанной на новом вооружении. Как тогда пойдет дело? Мне, к примеру, нужна Тридцатилетняя война, в которой чуточку, но я собираюсь поучаствовать.

Так что с новым вооружением нужно быть осторожнее. Лучше вначале подождать и создать систему производства на не столь революционном оружии. Ну а после иметь в кармане и другие козыри, вынимать которые следует по мере развития политической ситуации. Хотя... гранаты нужно было бы продумать.

– Можно приглашать, государь? – спросил меня Лука, вытаскивая из отрешенных размышлений.

– А сколь долго Сапега сидит у императорского зала? – спросил я.

– Более часа! – ответил Лука, который прибыл неделю назад с поездки по моим личным земельным угодьям и я его сразу же взял в оборот.

Хорош он, как секретарь. Мне бы клонировать его, да еще умника и бывшего алкоголика, Ивана Маслова, Пожарского можно, хорошо работает... оказывается, не так и мало у меня исполнителей, которые могут решать поставленные задачи. Скопина еще... нет его не надо, чтобы от клона не получить конкурента в борьбе за трон.

– Давай! Но сперва путь Семен Васильевич Головин зайдет и патриарх, – сказал я и, когда Лука удалился, добавил. – А то еще не понятно, кто кого мурыжит. Я же тоже сижу и жду встречи.

– Ваше императорское величество! – с ходу ошарашил меня Ян Сапега.

Это как у них пригорело, что ко мне так обращается официальный польский посол?

– Твое приветствие, посол... это признание Речью Посполитой Россию империей? – задал я уточняющий вопрос.

В это время три писаря писали на гербовой бумаге грифельными карандашами. Это еще одно изобретение, которые имеется практически в единичном исполнении. Казалось, чего там сложного? Выточить деревяшку и спрятать внутри грифель. Но... а где взять грифель? В России его не было, либо пока не нашли залежи, а в Германии были. Так что купили там, не много и за дорого. Но для использования в царской канцелярии пока хватает. Хотелось бы для продажи. Тут я решил продумать ситуацию с производством карандашей в Германии. Пусть есть риски, тем более в преддверии Тридцатилетней войны, но производства можно же быстро вывезти, как только в Праге начнут выкидывать имперских чиновников из окон в гуано.

А еще может быть интересный подход с работой карандашами, когда некоторые пункты договора или разговора можно подтереть. Нет, каучука у меня нет, хотя и дал задание найти хоть немного сока гевеи. Но есть хлебные стерки. Они пусть и мало эффективны, но кое-как стирают грифель [до появления резиновых ластиков хлебные стерки, действительно использовались даже в середине XIX века]. Грязно стирает, но и чернила часто размазываются, так что погрешности имеются, но не критические. Нужно все-таки попробовать сварить одуванчики, хотя бы для ластиков.

Вот напишем стенограмму переговоров с Сапегой, он поставит подпись и свою печать. А мы проанализируем, может и найдем что-то, что можно в нашу пользу подтереть и переписать. Писари-то наши, подчерки не будут меняться. А после предъявить бумаги, на которых будет личная печать Яна Сапеги. Так и утопить можно вероятного будущего канцлера, да и вплоть до того, чтобы завербовать.

– Это мое обращение, государь-император, дабы выказать личное почтение к вам, – поспешил оправдаться посол.

Ну от Польши я жду признания России, как империи, в последнюю очередь. Это государство само еще недавно претендовало на «имперскость» и могло бы у них и выйти. Но... война поляками проиграна, их экспансия не состоялась.

– Зачем ты тут, посол? Сообщить, что Сейм принял мирный договор? – спросил я.

– Нет, государь-император, меня послал мой король по прошению Сейма. Мы не можем пойти на те условия, что были вами выдвинуты, – Сапега развел руками, типа «я-то только за мир, но что поделать, если таких, как я мало».

– Мне готовить объявление войны? Это удобно, ты же здесь, вот и вручу! – я состроил злое выражение лица.

– Не для того, я здесь, ваше величество, а чтобы условия нашего мирного сосуществования был приемлем для России и для Речи Посполитой, – Сапега не впечатлился моим грозным видом.

Тертый калач, этот Сапега. Да и род этот сейчас входит в такую силу, что может оставить всех позади [так произошло в РИ с середины века]. И тогда что? Правильно, Сапегам это не спустят и начнется противостояние. Радзивиллы пусть и лишились немало от противостояния с Россией, но все еще имеют некоторое количество войск. Ходкевичи вот, совсем ослабли. Острожские так же, от чего-то не особо в силе, да и они потеряли немало после краха проекта «Лжедмитрий».

Вишневецкие больше должны быть заняты югом, так как запорожские казаки недовольны резким сокращением реестра после русско-польской войны прошлого года. И этот момент

нами упущен. Сюжет с тем, как унижали и чуть не убили, атамана Карелу, возымел свои последствия. Донцы с запорожцами рассорились. Противоречия между казаками усугубились тем, что одни участвовали в войне на стороне короля, ну а иные, сражались за меня, хотя большинство казаков были задействованы на специальных операциях, к примеру в Риге. Но с казаками, что за днепровскими порогами, проводится работа. Сагайдачный рвется к власти и ищет любой поддержки своим устремлениям.

– Ясновельможный пан, вот в толк не возьму я: отчего польская шляхта считает, что она может влиять своими криками на Сейме и на мое решение? Чтобы менять договор, нужны основания, да и те условия, которые можно менять. Я такого не вижу. Киев мы и так взяли, Велиж – это вопрос чести, его Баторий забрал после последней войны, вот и возвернули. Вы предлагаете Мстиславль? Добрый город, но зачем он нам, что там такого? Ничего. Могилев? Так и он не особоливо поможет. Этот город живет за счет торговли с литовскими городами, сложно будет менять торговые пути... А еще нет в России Магдебургского права, потому могилевские мещане будут недовольны переходом под мою руку. Что тогда? – задавал я вопросы, ожидая поддержки своей свиты.

Ранее я своим боярами говорил о том, как важно «давить толпой» на любых посллов. Там слово, после подхватывает другой, третий – это все ложиться сильным грузом на того, кого нужно продавить. Сейчас же только я и разговаривал, хотя разрешал встревать в разговор и иным.

– Если я чего доброго для Речи Посполитой добьюсь, то быть мне канцлером и тогда многое решать можно. Я и Радзивиллов и иных за пояс заткну. Есть у Сапег свое войско, земли, нужно малое – политический успех, – выложил истинную причину своего посольства Ян Сапега.

Вот тут я поверил сразу. Наверняка, Сапега сам стал инициатором переговоров, которые бесполезны и не нужны.

– Государь, а я против переговоров! – вдруг, пробасил патриарх. – Православных в Польше, да и в Литве, притесняют, унияство придумали под шепот Лукавого. Не токмо Киев нужен. У нас много войск. Пришли полки с Востока, кочевники, как башкиры, так и калмыки, готовы дать более пятнадцати тысяч воинов, кассимовцы выставят семь тысяч. Для чего мы три сотни пушек отлили? Не на колокола храмовые идет вся бронза, но на пушки. Войском в сто тысяч мы сомнем Литву и Корону за одно лето! И примем православных под крыло свое!

Зря я грешил на молчаливых соучастников спектакля, а с Гермогеном нужно быть еще более осмотрительным. Так сыграть! Может и со мной он периодически исполняет роли?

Сапега проникся. Одно дело, если бы угрозы прозвучали от меня, то это ожидаемо. Но тут церковник говорит о сотне тысяч воинов, пока только мифических трех сотнях полевых пушек. Ну а про пятнадцать тысяч кочевников на нашей стороне, да еще и семь тысяч кассимовцев?... А ведь уже эти цифры должны сильно пугать поляков. Сотысячная армия, да та, что только что била поляков, с огромным количеством пушек и кавалерии... Да было бы так, можно думать, чтобы брать под свое крыло многим больше, чем я требую, и даже не важно, что проглотить такой кусок будет для России крайне сложно.

– Владыко! – демонстративно грозно я прикрикнул на патриарха.

Я подхватил игру и теперь всем своим видом показываю, что Гермоген только что разболтал государственную тайну.

– Стоит ли мне понимать, что Российская империя собирается объявить войну Речи Посполитой? – собравшись с духом, стараясь, не особо успешно, не показывать своего удивления, говорил польский посол.

– Я могу не объявлять войну, а продолжить ту, которую вы же и развязали. Мира так и нет, несмотря на то, что я договорился с королем, – я задумался. – Вот что... вы же можете предотвратить войну? И тем самым заработать себе авторитет. Подождите месяц в Москве...

– Ваше величество, вы начнете боевые действия? – с явным испугом спросил будущий канцлер.

– Я такого не говорил. Но скажу иное – мы готовы обсудить уменьшение выплат с Речи Посполитой. И это так же будет вашим успехом на переговорах. Сто тысяч... и не торгуйтесь, меньше никак. Вместо тысячи коней, согласен на пять сотен, – сказал я и сделал вид, что мне остальное не интересно.

Я настолько смирился с тем, что Киев уже у меня в державе, что торговаться по его статусу не предполагал. Можно, конечно вывести из этого города все и вся и тогда Киев – лишь место на берегу Днепра. Но я считал необходимым контролировать важную, некогда, торговую артерию.

Кроме того, для дальнейших планов, да и в угоду стратегии развития России, нужно уменьшать логистическое плечо к Крыму. В чем была проблема похода Голицына во времена правления Софии в той истории, которая уже пошла иным путем? Большое расстояние коммуникаций. Войско просто бросили без постоянного обеспечения, а это погибель в полноценной войне, если только не быстрый набег. А как набегать пехотой и артиллерией? Вот и были заведомо убийственными решения по захвату Крыма до времен Екатерины Великой, когда на Днепре, да и не только, уже существовал ряд городов для обеспечения армий Румянцева и Потемкина.

Что же касается поляков, то, да – есть некоторый просчет. Были надежды на то, что договорившись с Сигизмундом, я уже закончил войну. Но сейчас стало очевидным, что нужна еще одна акция, если не устрашения, то «убеждения» и вразумления поляков. Громче всех в Сейме кричит креатура Вишневецких. Это и понятно, так как русский Киев – это большая угроза владениям этого рода. Да, ничего, до рождения, действительно, деятельного князя Иеримии Вишневецкого еще... не знаю сколько, но его еще нет. Но а с иными представителями этого рода мы уже имели отношения, ничего впечатляющего я в них не увидел.

Глава 3

Глава 3 Лубны

17 августа 1608 года

Атаманы Болотников и Карела – это гремучая смесь для врагов. Люди, дополняющие друг друга. Тем более, когда один, Болотников, посчитал себя обделенным участием в великих делах, ну а второй, сильно обозлен на запорожских казаков и тех, кто им покровительствует. Так что, когда поступил наказ государя «пощипать» владения Вишневецких, которые немало помогали запорожцам, Иван Исаевич Болотников направил всю свою нерастрченную энергию на подготовку к такому «пощипыванию». Узнай о то, как рьяно взялись за дело атаманы, государь, попросил бы поумерить аппетиты, чтобы не началась новая война.

Донские казаки, на последнем Казачьем Круге, постановили, что запорожцы зарвались и такое неуважение должно иметь последствия. Карела, раненый и частью изуродованный огнем, чуть не поднял все казачество на войну против запорожцев. Казаки рвались в бой. Они остались на Дону и не участвовали в великих делах: в войне с Польшей и урезонивании ногайцев, от того и томились без славы казацкой. Нашлись все же авторитетные казаки, которые настоятельно посоветовали не убивать всех запорожцев, которые находились или на Дону, или рядом со станицами донских казаков. Но казаки с польских украин прочувствовали, что такое недовольство казаков с русских украин.

Дело в том, что еще недавно, было не понять где какой казак: донец он, или запорожец, может терской. Миграция между казацкими сообществами была массовой. Устраивает запорожский кошевой атаман набег на турку, так и донские отряды примкнут и признают временную власть над собой, того же Сагайдачного. Ну а решили донские казаки пощипать ногаев, так и запорожцы тут как тут. Главное, что определяло казаков были не территориальные принадлежности, или то, с какими государями более всего идут сношения, а вера православная и казацкая воля.

Но ситуация стала меняться в последний год, может, два года. Если ранее казачество все больше занималось грабежами, да покусывало державу, из которой пошло донское казачество, то нынче казаки решают задачи, что ставит перед ними русский государь.

Вот и нынче решили пощипать некоторых несговорчивых польско-литовских магнатов, что так сильно кричат о недопустимости мирного соглашения с Россией. Хитро это – использовать для темных дел казачество. Можно всегда откреститься от казаков.

Кто напал? Казаки? Ай яй яй! Вот же неслуши! Но мы с ними поговорим, чтобы впредь... никогда. Что? Хотите организовать поход против них? На земли Российской империи? Войну развяжите? Неслуши наши, нам их и урезонивать.

Наверное похожие вопросы и ответы могут прозвучать в случае, если будут претензии от Константина Вишневецкого. Но князь не столь глуп, чтобы жаловаться. В Варшаве должно сильно звучать слово малоросских магнатов. А кто их слушать будет, если они не в силах защитить свои земли? При этом и шляхта так же периодически собирается в банды и нападает на русские земли, так что тут все сложно и решающее значение имеет сила и возможность оборониться.

И сейчас Болотников и его приятель Карела смотрели на город, который в землях, что принадлежат роду Вишневецких, играл важную роль, на ряду со Збаражем. Их заметили, и частное войско Константина Вишневецкого выстраивалось для атаки.

Но тот факт, что казаки позволили себя заметить, не говорил о том, что имела место недоработка. Отнюдь. Болотников разработал план, по которому защитники Лубнов должны были увидеть лишь часть войска, что привел Болотников. Нельзя было, чтобы защитники города, а это: конная хоругвь гусар, сотня конных пятигорцев, рота немцев алебардщиков-наемников и рота французских мушкетеров, узнали сколь именно пришло казаков под город. Тут случались разные неприятности, те же запорожские отряды могли походя пограбить. Так что в городе большому отряду казаков не сильно удивились, уже привыкшие к подобному. В том числе и потому окрестности Лубнов были крайне мало заселены [Лубны, как и другие южные территории Вишневецких только при Иеремии стали активно заселяться в том числе и из правобережья Днепра, а пока тут большая часть земель вообще не обрабатывается].

Если бы узнали защитники города, сколь много пришло к ним «гостей», но ни за что не стали бы выходить из города, который не то, чтобы был неприступной крепостью, но ров был, вал имелся, наличествовала и артиллерия. С опорой на город можно было держать оборону долго, настолько, чтобы Болотникову пришлось бы уйти не солоно хлебавши.

– Что скажете, атаманы? – спросил Пимен Хмаров, голова отряда терцев.

– А что тут говорить, Пимен Иванович, как и условились. Тебе начинать, – Болотников ухмыльнулся в преддверии доброй драки, по которой уже успел соскучиться.

Отряд Хмарова, насчитывающий четыре сотни конных, должен был ввязаться в бой, но после, в лучших традициях кочевых воинов, бежать, завлекая противника в ловушку.

Не все пошло по плану. Видимо, у противника был весьма толковый военачальник. Три атаки отряда Хмарова были отражены, а те польско-литовские конные, которые устремлялись в погоню, решительно останавливались вражескими командирами. Но неприятель не стал применять тактику от обороны и медленно, но все же приближался к леску, где в нетерпении ожидали своего часа большинство пришедших казаков. Оно и понятно – казацкий отряд, что пришел к Лубнам нужно было изничтожить, тем более, когда сбор урожая был в самом разгаре. Иначе крестьяне могут быть уведены, ну а урожай просто сожжен. Так что гарнизон Лубнов стремился именно что разбить казачий отряд.

– Иван Исаевич, давай уже ударим! – в нетерпении говорил Андрей Тихонович Корела.

– Ну? Еще чуть, атаман, чуточку... – отвечал Болотников.

– Эх! Хлопцы гибнут ни за грош! – сокрушался Корела.

Это так и было – гибли. Каждая атака казачьего отряда Хмарова натывалась или на выстрелы мушкетеров, или же на пики. Вот только нельзя было говорить, что гибель эта была «ни за грош», каждый шаг гарнизона Лубнов чуть в даль от города – это еще одна доля секунды, из которых складывалось то время, что нужно для окружения всего неприятельского воинства.

– Пора? – через менее чем минуту снова спросил Корела.

– Ты же всегда был холоден разумом, от чего нынче так печешься? – Болотников с большим интересом смотрел на своего, в данном случае, подчиненного.

Корела замялся, стушевался. И дело было явно не в том, что творилось на поле боя...

– Говори! – потребовал Болотников.

– С Хмаровым сговорился. Дочка у него на выданье, токмо у терских казаков там с этим сложно. Скрасть могут девку, али еще что. Они же, казаки, черкешенок скрадывают, опосля горцы у них баб уводят... сложно все. А я уже в летах и сына хочу. Нельзя, кабы Пимен Иванович погиб, – Корела опустил голову.

– Ты прости, друже, об чем скажу, но что-то за последние годы сбабились казаки. Все семьи, да детей заводят. А воля где казачья? Словно дворяне, осталось еще на землю сесть, – говорил Болотников, при этом понимая, что не так уж было бы и плохо, если землю обрабатывать.

Нынче много земли себе набрали и казаки и царские урядники. Ногайской орды нет, а там добрая земля, черная.

– Сын мне нужен! И я с дворян и был. А побьют нынче тестя моего, как и жонки не станет, это ж я с Хмаровым токмо и сговорился, – объяснял Корела.

А между тем, пока два командира обсуждали матримониальные планы, ситуация на поле боя стала критической для отряда Хмарова. Конные отряды Вишневецких отрезали терским казакам пути отхода, кроме как к городу, что так же было бы концом для казаков. Там уже изготовились для стрельбы немногочисленные пушки.

– Ну? Пошли! – со зловещей улыбкой сказал Болотников.

По всем сотням были продублированы приказы и уже через три минуты, выходящие из леска казаки начали разгонять лаву, обхватывая, вышедший далеко вперед от города, гарнизон Лубнов. Это могло бы выглядеть красиво и эпично, и из города, наверняка были те, кто пытался всмотреться в происходящее, но столб пыли, который подняли сотни казацких коней не позволял рассмотреть в подробностях, что происходило.

А под этим «туманом войны» творилась растерянность у польско-литовских воинов и жесткая решительность у казаков. Многие станичники видели, как погибали их побратимы и рвались в бой, но дисциплина в отряде Болотникова была железной, никто не нарушил приказа. И только сейчас казаки поняли почему их ранее одергивали.

Оседала пыль и прояснялась вся диспозиция на поле боя. Гарнизон был окружен, а остаткам казаков Хмарова удалось все же ускользнуть от цепких... арканов? Именно так, пятигорские конные пытались арканами стаскивать казаков. Большим подспорьем в том, что удалось сделать терцам, стали кони. Для действий терских казаков собрали лучших, наиболее выносливых, скакунов. Вот на последних силах, изнуренных долгими атаками, лошадей, терцы и ушли к лесу. Они свою работу сделали и переделали эстафету сражения. Ну а участвовать в дальнейших событиях станищикам не позволит ни собственная усталость, ни измученные кони. Какие бы животные выносливыми не были, не люди же они, их нужно побереечь.

– Иван Исаевич, чего мы ждем? Можем же и разгромить! – спрашивал Пимен Иванович Хмаров.

Раненный в руку, терский командир, жаждал крови тех, кто пустил кровь его отряду. Он потерял шестьдесят три добрых хлопца и еще до трех десятков может потерять в ближайшее время, так как многие из раненых помрут еще до следующего дня. Это большие потери, но все казаки знали, на что шли и сознательно рисковали. Дело в том, что половина от вероятной добычи с боя будет у терцев, которые более остальных постарались в сражении.

– Понимаю твою злобу, Пимен Иванович. Токмо казаков павших не вернуть, а вот их семьям помочь можно. Возьмем с меньшими потерей больше коней, да белого оружия, половина от того пойдет на твой отряд, – говорил Болотников, наблюдая, как споро казаки сооружают укрепления вокруг окруженного гарнизона.

Из Лубнов была попытка сделать вылазку силами до двух сотен пехоты и трех десятков конных. Болотников ожидал что-то подобное, потому три сотни казаков постоянно оставались на стороже. Состоялся непродолжительный бой, в ходе которого, пусть и не получилось взять в кольцо еще один отряд гарнизона города, усиленного ополченцами, но потрепать эти силы получилось преизрядно.

К вечеру прогремели всего четыре выстрела двух малых полевых пушек, направленных внутрь окружения. И... начались переговоры.

– Мы не позволим вам выйти со знаменами и с вооружением! – сказал-отрезал Болотников.

– Тогда что? – спрашивал литовский шляхтич Казимир Мрашинский, взявший на себя роль парламентаря.

– Все оружие останется нам, все люди так же. Могу лишь одно вам дать, но главное – жизнь! – говорил командующий большим казачьим отрядом, Иван Исаевич Болотников.

– И? Какая это будет жизнь? – растеряно спрашивал Мрашинский.

– Веселая! Под рукой славного государя! – усмехнулся Болотников.

Шляхтич еще попытался убедить атамана, но тщетно, даже уверения, что он заплатит за свою жизнь и свободу много, но позже, под честное слово, не сработали. Казимир и сам видел, что ситуация плачевная. Оставалось только два варианта: сдаться и сохранить жизнь, или сделать самоубийственную попытку прорваться из окружения в город, где была возможность оборониться. Альтернатива прорыва сохраняла честь, ну а сдача – жизнь.

Такой выбор и показывает, насколько, в действительности, шляхтич дорожит честью и не является ли он гонорливым пустословом. Казимир был из тех, кто словами не разбрасывался. Вот только он и такие, как шляхтич, оказались в меньшинстве. Кто-то осудит безрассудную смерть, иные станут воспевать героическую погибель, но все те воины, числом в полсотни, кто решился ночью на прорыв, были уничтожены. Казаки расстреляли их из пистолей и луков, меньшее количество изрубили. Показательно для остальных – никого не взяли в плен, всех убили.

Утром окруженцы сдались. Всех их ждет ссылка в новую жизнь. Чуть менее двух сотен воинов будут распределены в новые экспедиции в Восточную Сибирь с таким уклоном, чтобы не плодить землячества, а максимально разъединить сдавшиеся сегодня отряды. Всем казакам было доведено до сведения, что государству нужны люди. За каждого вот такого бойца платят от рубля. Ну а с самими пленниками будет заключен ряд. Пусть и принудительно, но все же после заключения договора пленники переставали быть таковыми, а становились на кабальных условиях, но наемниками. Они не менее пятнадцати лет будут представлять интересы русского государя в далеких даях, о которых пока и представить не могли.

Попытка взять Лубны с ходу не увенчалась успехом, но при условии долгой осады были все шансы город захватить. Казаки – это не те воины, чтобы заниматься долгими осадными мероприятиями, да и на то не было никаких уговоров с государем. Жители, которые еще не получили Магдебургского права, но жили почти по его правилам, согласились на выкуп. Двадцать тысяч талеров и три сотни коней – это весьма немало для казаков и серьезнейший удар по мощне Вишневецких.

Ну и еще две недели казаки резвились по округе, наверное, переплюнув в деле людоловства и татар. Не много удалось взять людей, да тут и проживало всего не более сорока тысяч крестьян. Но две тысячи селян отправятся в Россию. Эти осядут чуть ближе к привычному месту, и даже на похожих условиях, но у Белгорода.

Интересным было то, сколько казаки взяли свиней – не менее пятидесяти тысяч голов, но точно никто и не считал. Коров почти не было, как и птицы, а вот свиней... много. Это было связано с тем, что татары шарахались от свиней, как от чумного человека, или даже сильнее. Харам! Грязное животное для мусульманина, на которое даже смотреть нельзя. Потому, на польских южных окраинах, да и на русских, свинья – главное животное и спаситель от голодной смерти.

* ..... * ..... *

Слуцк

21 августа 1608 года

– Зачем ты приехала? – с нежностью, в которой лишь чуточку прослеживался упрек, спросил Иван Заруцкий.

– Тут мои люди, тут мои иконы, – отвечала София Слуцкая.

– Это не безопасно, да и Димитрий, сын наш... – говорил Иван Мартынович... Олелькович.

Государь своим указом, за особый вклад в развитие русской державы возродил славный некогда род Олельковичей. Конечно, на это нужно было согласие и последней представительницы этого рода слуцких князей. Ну а как же София, наконец-таки получившая свое женское счастье, откажется. Женщина и не представляла, что можно быть любимой, любить, уважаемой и уважать.

Когда встал вопрос о замужестве, София плакала. Она боялась. Кто такой Заруцкий? Красивый мужчина, в объятьях которого женщина забывала обо всем? Тот, который показал Софии, что такое настоящий мужчина, когда она просыпалась в стеснительной истоме, краснея от воспоминаний о ночи любви. Он отличный воин и его ценит государь-император... Но этого все равно мало для счастливой жизни. Она станет казачьей жонкой? Может муж отвезет ее на Дон в холодную землянку?

Не верилось женщины, что в мире, где местничество и знатность выше государевой воли, Заруцкий станет больше, чем атаманом казаков. А зря. Если государь захочет, да на волне побед, да через иных людей... все можно.

Прощение к государю о наделении казачьего атамана дворянством и выделении ему даже не поместья, а вотчинных земель, поступило от самого знатного боярина на Руси Михаила Скопина-Шуйского. Головного воеводу сразу же поддержал другой герой военных русских побед – боярин Телятевский. Молчал Пожарский, но, главное, не протестовал, осмелился высказаться Василий Петрович Головин, но так... вяло. Потому и получилось, что государь благосклонно отнесся к просьбе Боярской Думы о возвышении Заруцкого. Хотя оговаривалось, что он не будет заседать в Думе и получит земли, которые пока никому не принадлежат.

Вот император и решил восстановить род Олельковичей. Заартачился сам Заруцкий, он считал, что его фамилия достаточно славная, чтобы ее менять. Ну тогда созрел новый компромисс. Теперь все еще донской атаман зовется сложно: Иван Мартынович Заруцкий-Олелькович, князь Слуцкий. При этом, дети новоиспеченного князя будут Олельковичами-Слуцкими.

Но главное иное, это счастье двух уже отчаявшихся найти свою любовь, людей. Уже и трех, так как крепкий малыш, названный в честь государя Дмитрием, так же получает свою немалую толику любви, и не только материнской, но и Заруцкий готов горы свернуть за будущее своего сына.

– Ванечка! – София поцеловала мужа. – Наш сын с государыней. Там такой уход, питание, даже детский лекарь есть. И я так же тоскую по нему.

– Вернемся, в седло Димку посажу! Он крепкий у нас казак! – тоном гордящегося отца, говорил Иван Мартынович.

София не стала противиться тому, что ее муж называет сына казаком. Пусть так, если Ивану нравится. Она-то, мать, знает, что Дмитрий знатного рода, он князь, у мальчика даже черты лица от деда, хозяина Случины.

– Ты мне любви скажи, долго ль еще? Сердце не на месте. Вот жила тут, а нынче, словно на ворожьей земле. Того и гляди, кто нападет, – волновалась София.

Уже месяц как шло планомерное разграбление слуцкой земли. При этом София настояла на том, что никого насильно нельзя увозить. От того, получалось, что, почитай, половина крестьян, как и мещан, оставались. Кто по религиозным убеждениям, иные боялись России, страхи о которой было сложно преодолеть. Другие же, таких было более всех, посчитали, что отъезд части людей создаст новые возможности. Но были категории людей, у которых выбора не оказалось – это наставники в Слуцкой Братской школе. Их вывезли вообще одними из первых еще чуть меньше, чем год назад, как только Сигизмунд и Дмитрий Иоаннович объявили о перемирии.

Некоторые сложности с процессом легального ограбления Слуцка и его окрестностей были. По крайней мере, магистрат города был, что естественно, недоволен происходящим. Но те территории, что были под контролем бургомистра, почти и не трогались. Лишь только

ткачи, которых в городе было немало, опять же, не имели шансов отказаться от переезда. Ну а в остальном, Заруцкий-Олелькович, не стал нарушать законы. Магдебургское право было даровано городом, значит пусть так и будет.

Но есть же юридики [части города, находящиеся вне юрисдикции магистрата, к примеру, в частной собственности]! К роду Олельковичей, позже Радзивиллам, принадлежало чуть менее половины города. Вот это все, чуть ли не до бревна и камня, забиралось. Магистрату предлагалось кое-что выкупить, но бургомистр, почуяв, что его бить не будут, оказался непреклонным. Так что здания трех церквей не удалось продать. Это еще София не знает, что ее муж хотел и такой бизнес затеять.

Река Случь была перегружена всякого рода ладьями. Речной путь оказывался хоть сколько-нибудь безопасным. К каждой повозке не приставишь охрану, а формирование огромных обозов предполагало использование больших сил. У Ивана Мироновича было три с половиной тысячи казаков и это более чем сила, но когда воины не раздерганы, а собраны в одном месте.

– Я ради тебя и Димы теряю свои корни. Тут мои предки, – с сожалением говорила София, обнимая руку своего мужа.

– Мы начнем новую жизнь и все будет хорошо. Я тебе опора, ты мое украшение, – атаман погладил свою суженую по голове. – Пошли в дом!

– Сдохни! – послышался крик со спины.

Заруцкий резко сместился в сторону крика. Пять человек, одетых, как крестьяне были в метрах тридцати и двое из них целились пистолетами в сторону Ивана и Софии, трое других уже обнажили сабли.

– Бах, Бах! – раздались выстрелы и Заруцкий завалился на спину, увлекая за собой и Софию.

– Вжух! Бах! – раздались выстрелы с боку.

Это уже ближние казаки успели среагировать и расстреливали убийц. Через пять секунд перед княжеской четой было уже пять охранников, прикрывающих своего атамана и его... казацко-княжескую жонку.

Ударилась сталь казацкая о сталь шляхетскую. Убийцы не побежали, они пришли убить и быть убитыми, потому уже пятнадцать казаков не заставили гордых литовских воинов отступить.

– Ваня! – истерично кричала София.

Женские слезы блестели на ярком, жарком, солнце. Вот так, впервые в своей жизни София ощутила себя счастливой, но Господь определил ей нелегкий жизненный путь, полный испытаний и крушения надежд.

– Кхе... а ты говорила, чтобы я снял кирасу, что жарко... – простонал Иван Заруцкий-Олелькович.

– Шм, – София шмыгнула носом, на заплаканном лице появилась улыбка. – Спасибо, что живой!

– Мне теперь нужно жить для тебя, для Димы. Но ты не думай, усидеть коло твоего подола не смогу. Дело мое – война. В доме долго не усую, воли казацкой затребует душа православная, – боль в груди Ивана от попадания пули в кирасу отступала.

А сабли продолжали бить друг о друга, казаки окружили двоих выживших убийц и по очереди пробовали рубиться со шляхтичами. Те были неплохи в сабельном бое, как и большинство иных шляхтичей.

– Мне их оставьте! – выкрикнул атаман, только чуть поморщившись от того, как кольнуло в ребрах.

Заруцкий разделся до пояса и вышел в круг, где стояли двое уже уставших, но все еще решительных литовских шляхтичей.

Теперь София не волновалась. Она была убеждена, что вот так, грудь в грудь ее муж любого одолеет. Женщина только любовалась мускулистым телом своего любимого. Только одна мысль пронеслась в голове Софии: «Ты только сильно не утомись, чтобы и на меня хватило».

* .....*

Тушино

23 августа 1608 года.

– Сено! Солома! Сено! Солома! – нервозно кричали командиры, чаще всего порутчики, реже капитаны.

– И где ж вас набирают-то, аспидов, неразумных? – разъярялся капитан Дубнов.

– Так, господин сотенный капитан, брали же кто могуч статями, но розум не проверяли, – защищал себя, как ответственного за рекрутский набор, порутчик Возницын.

Я посмотрел на Тео Белланди – гвардейского полковника, который сопровождал меня в поездке по гвардейским частям. Этот командир стал главным гвардейским офицером. То, как воевала гвардия в ходе всего одного боя, меня впечатлило и я хотел, чтобы и далее множилось количество солдат, обученных новому строю. Вот швейцарец и занимается этим.

– Прости государ, но так оно и есть. Головное – сила воина, кабы аркебузой со штыком орудовать мог справно, – оправдывался старший гвардейский офицер. – А экзерцициям научим, уже третий набор. Вон и твою науку с сеном и соломой переняли.

Я усмехнулся. Да, сплагатил я у Петра Великого подход к обучению солдат. Это, вроде бы он усмотрел и удумал, что научить рекрута-новобранца командам «левой-правой» сложно, при этом бывшие крестьяне знают, чем отличается сено от соломы. Вот и засунули в левый сапог сено, ну а в другой – солому.

А сапоги, к слову, добрые, Матвеевских мануфактур. Матвей, Авсея сын, получил от меня даже фамилию Скорняков, ну и дворянством его пожаловал, как крупного мануфактурщика, ну и в назидание иным развиваться. Только посоветовал парню не чревоугодничать, а то и двадцати лет нет, а пузо отъел, как мужик сорокалетний, лежащий у телевизора с бургерами. Но дело Матвей знает, одну мануфактуру поставил, понял принцип, из одной уже три сладил. Сейчас имеет три сапожных и одну ткацкую мануфактуру. Найдет, как поставлять в большом количестве шерсть, лен, с чем черт не шутит, и хлопок, подарю ему станок прядильный. Молодые умы быстро перенимают новшества и вот таких парней и отыскивать нужно.

– Государ, дозвожь тебе челобитную преподнести! – сказал Белланди и склонил голову.

– Что там, господин полковник? – не отвлекаясь от наблюдений за происходящим на плацу... нет, скорее «площади».

Как же неудобно не использовать понятия, к которым привык. Ну плац, он, вроде бы и есть, плац. Но нет такого понятия в русском языке – неметчина все это, как и атака, штурм, и ряд других слов, без которых не обойтись в будущем, ну а здесь нужны «заменители». Так что старославянское слово «площадь» подойдет, если только прибавить «воинская». Можно было бы майданом назвать, как у казаков, но и это слово... несколько не подходило. Скорее, майдан – это казацкая говорильня, своего рода агора, или форум.

– Прощения сие, государь о прапорщике Дмитриии, прозванного Разумновым, – сказал Тео Белланди, за последний год отлично выучившийся русскому языку.

Вообще, как мне докладывали, иностранные военные специалисты стали работать с большей отдачей. Они первоначально как думали? Вот приедут, состригут с варваров-москвитов серебра, да и обратно, к себе в «цивилизованные Европы». А здесь выходит, что им есть чему научиться, да еще и таким тактикам, до которых в Европе пока никто не додумался. И я пре-

красно понимал, что вот эти вот командиры могут в какой-то момент сорваться и побежать в ту же Польшу или к цесарцам, и тогда наши ноу-хау станут известны. Но этот момент я потребовал особо учитывать в работе Захария Ляпунова. Если кто и рванет к нашим потенциальным противникам, то он не должен доехать по пункту назначения. И очень хорошо, что пока сильно много «бегунков» не образовалось, а я рассчитываю, что уже через три года мы сможем отказаться от использования наемников. Возможно, с офицерами-иностранцами будет посложнее. Все-таки воинская культура в Европе повыше нашей, в плане организованности и строев.

– Ну, и чем тот прапорщик тебе угодил, сеньор Белланди? – спросил я, удивляясь тому, что слышу это имя второй раз за три дня.

До того за Митьку Розума просил капитан Егор Игнатов, тот самый герой-диверсант крайней войны. Но я тогда подумал, что Игнатов своячничает, оказалось, что Егор знал Митяя и жил рядом с ним в Москве, где они входили в одно общество. А тут от Белланди бумага. При этом ранее ни Егор, ни полковник, не подавали челобитных.

– Полковник, расскажи, в чем суть! Сей прапорщик зело разумеет в устройстве фортеций? – сказал я.

– Государь, ты всегда все знаешь наперед. Но так и есть, Розумов не годен хаживать с воинами в поле, а вот, где сладить переправу, оборудовать позицию – вот в этом он силен и весьма смекалист. Да и академик твой, тот, что Иван Маслов, выучил математике и иным премудростям, – разъяснял позицию Белланди.

– Мы говорили с тобой, полковник, да и головной воевода Скопин-Шуйский на учениях в октябре должен довести, что при каждом полку быть полуроте размысловых войск, – сказал я, по согласительной кивки головой Белланди.

Нынче полк, по крайней мере, нового строя, сильно отличается от прежних стрелецких. Если стрелецкий полк – это пять сотен человек, то в полку нового строя почти тысяча личного состава. В эту тысячу входит пять рот по сто пятьдесят человек бойцов и командиров. Роты состоят из трех полусотен. Также в полку полсотни инженерных-розмыслывых войск, тридцать человек службы обеспечения, обслуга десяти полковых пушек, полковая разведка. Еще сто человек разных нужных специальностей, где повара, денщики, лекари, конюхи. Лекарей должно было быть больше, но вряд ли в ближайшие года четыре-пять осуществимо, что при каждом полку будет своя приполковая лекарня.

Я создавал полк, как автономную структуру, могущую действовать самостоятельно и в меньшей степени зависеть от внешних факторов. При военных действиях каждый полк нового строя усиливается минимум одним полком легкой конницы, прежде всего, казаков. Ну, и полк принимает дополнительную артиллерию в двадцать стволов. Если наладить взаимодействие всех и каждого, то, как мне видится, русский полк может стать наиболее сложным оружием, нежели господствующая пока испанская терция.

– Ну что, сеньор Белланди, показывайте, на что способен ваш полк, – сказал я и заприметил, как чуть поник полковник.

Я знал о некоторых проблемах, что есть у тушенцев. По крайней мере, более-менее готовых строевых воинов на не более две роты полного состава. Пушек только четыре. Но мне и не нужны показухи, я хочу знать проблемы, и я их знаю. Никто не рассчитывал на то, что уже через год у нас будут полноценные полки, хотя сил и средств на это не жалеем. И кормежка в армии такая, что и я мог бы питаться с солдатского котла без ущерба для здоровья и мышечной массы.

Рота в сто пятьдесят человек личного состава выстраивалась в линию, а я ухмылялся. Ведь видно, что сейчас мне показывают, что из всех четырехсот пятидесяти воинов и командиров взяли самых подготовленных. Движение бойцов выверенное, четкое, почти уверенное. Но они часто оглядываются на своих товарищей по оружию. Ведь когда ходишь в строю с одними и теми же людьми, то свыкаешься с их присутствием, и лица товарищей сливаются с общей

картиной происходящего как неотъемлемый мазок художника на большом батальном полотне. И сейчас уже достаточно опытные воины знают, куда им нужно стать, но не находят нечто привычное, так как рядом бойцы из иных подразделений.

Между тем, гвардейцы построились достаточно быстро. Я уже знал, что в это время построение боевых порядков могло происходить и в течение трех-четырёх часов. Обе стороны ждали, пока неприятель будет готов. У нас же линия выстроилась за пятнадцать минут, примерно, конечно, так как хронометра не имеем. Надеюсь, что пока не имеем. Но нужно понимать, что это только сто пятьдесят человек, а выстроить семьсот пятьдесят, то есть весь полк – задача посложнее.

Учебная атака началась с выстрелов ядрами по условным мишеням в виде вкопанных столбов. После пушкари зарядили орудия картечью, то есть дробом. Ну и стройными, почти что, рядами в шесть шеренг вперед пошла линия, похожая на вытянутый прямоугольник из-за малого наполнения бойцами. Шли неплохо, темп задавали барабаны. По бокам, флангам, линию прикрывали по два десятка конных кирасир. Первый ряд гвардейцев произвел залп и лег. Второй ряд выстрелил и дружно присел. Когда был произведен залп последним рядом, гвардейцы побежали в штыковую атаку, имея острое желание проткнуть штыком соломенное чучело.

Пока у нас нет достойных ружей, которые можно было бы перезаряжать хотя бы три раза в минуту, в таких условиях тактика непрерывного огня проигрывала быстрой штыковой атаке. И это – не мои прогрессорские выкладки, а достаточно скрупулёзное изучение вероятных тактических приемов. Проводились и тактические игры, больше напоминавшие кулачные бои на масленицу. По крайней мере, именно подобным образом при докладе описывал глава Военного Приказа Скопин-Шуйский.

Нам, наконец-то, удалось создать хоть какую-то систему в планировании военной реформы, и теперь есть четкое понимание, к чему нужно стремиться и сколько времени займет приведение русской армии в тот вариант, который и я, и головной воевода, мечтаем увидеть. Если все получится, а иных вариантов у нас просто нет, то на выходе получится отличная армия, не уступающая условному войску еще не родившегося Карла XII. Стремиться же к дисциплине гренадеров Фридриха Великого можно, если знать, какая она была в точности, но такого уровня вряд ли получится достигнуть. Да и били, или еще будут бить, руссаки пруссака.

– Господин полковник, в следующий раз я прошу вас показывать имеющееся положение дел, а не демонстрировать представление, – сказал я строгим тоном, выдержал паузу, а потом улыбнулся добродушной улыбкой. – А вообще, сеньор Белланди, я выражаю вам свое удовлетворение. Несмотря на то, что вы собрали лучших бойцов, вы правильно поняли ту тактику, которую мы намерены применять в случае войны. Обратите внимание на то, чтобы к следующему лету все бойцы были готовы к боевым действиям. А еще смотрите, кабы в моей страже не было ни одного труса.

Я протянул Белланди орден Героя Российской империи.

– Благодарствую, слышал я о награде такой, и что головной воевода одарен тобой, государь, а я за что... – Тео Белланди замялся, а я рассмеялся в голос.

Вот же не думал, что этот прохиндей может быть таким скромнягой. Он же еще год назад хотел сбежать из России, но посчитал, что во время войны драпать из воюющей страны – урон чести. А после проникся, остался. Я уже подсылал особо хитреньких православных священников для разговора с гвардейским полковником, чтобы подговорили принять ему православие, но не особо сработало, Белланди остается верен своему кальвинизму. Прорабатываем сейчас вопрос с женщиной, но полковник уже в годах и с явным разочарованием в семейном вопросе. Так что рассчитывать, что он польстится на смазливое личико и создаст семью, не приходится.

Что же касается награды, то я планировал вводить «Героя Российской империи» и ранее. Планировал и ввел. Греческий язык знают далеко не все, оттого в народе орден называется «Великий воин», кто-то называет «Витязем», иные «Богатуром».

Было бы, конечно, интереснее подарить протестанту орден Александра Невского, канонизированного в прошлом веке, но для того, чтобы создавать красивые ордена нужно немалое количество ювелиров, даже, если за скобки взять стоимость материалов. А так есть «Звезда Героя», а рядовые бойцы и командиры до младшего воеводы будут получать Георгиевские кресты, выполненные из серебра.

– Ну, герой битвы на Уке, накорми меня солдатской кашей! – сказал я, похлопывая по плечу швейцарца Белланди.

– Добре, государь, знамо мне, что сегодня для всех готовят потат с мясом, – сказал полковник.

Я вновь рассмеялся, хорошее было настроение. Понятно, что картошка с мясом – это было для меня. Не так много, я бы даже сказал, очень мало картошки лежит на складах гвардейцев, чтобы можно ее использовать для тушения всему личному составу. Но мое требование было жестким: гвардейцы не только обязаны были употреблять картофель в большей степени добавляя его в супы, но и выращивать его. В этом отношении с армией проще: приказал – едят, приказал – выращивают.

Отведав «гвардейской» пищи, я отправлялся в Тулу. Там хотел проинспектировать строительство железодельного завода, ну и те самые оружейные мануфактуры, на которые возлагались большие надежды при проведении военной реформы.

Глава 4

Глава 4

Енисейск

1 сентября 1608 года

Федор Данилович Чулков, уже немолодой человек, служивший Ивану Васильевичу и Федору Ивановичу, но все еще бодрый, стоял на поляне, на которую должны прийти вожди племен. Нелегкая выдалась дорога, но и не сказать, что она стала убийственной. Семь месяцев с перерывом на двухмесячный отдых Чулков вел людей из Нижнего Новгорода до Томска. А после, объединившись с отрядами казаков Гаврилы Писемского и стрелецкого сотника Василия Тыркова, почти пять тысяч человек, устремились в сторону Енисея.

Такому большому количеству людей сложно было сосуществовать в одном остроге, составленном в Царском Приказе планом освоения восточной Сибири и не предполагалось подобное. Как минимум, из такого количества людей нужно было выделить отряд на то, чтобы основать еще один город, который государь решил назвать Красноярском.

Какое же было удивление, проявленное на лице Чулкова, когда он узнал, что на месте предполагаемого Красноярска уже есть казачье представительство. Эту, и не только, информацию добыл, приставленный к Чулкову капитан Иван Крутиков.

Этот рязанский дворянин получил звание капитана только лишь потому, что отправлялся в далекие сибирские укрaines. Однако, Иван был смелым и решительным, достойным своего звания. Лишившийся поместной земли, как это случалось со многими мелкопоместными дворянами в этом времени, Крутиков сконцентрировался на службе, благо земляк Захарий Ляпунов подтягивал к себе рязанцев. Когда поступило предложение стать больше, чем полусотником рязанского испомещенного войска, Иван не задумывался.

На подходе к месту, где планировалось основывать поселение, отряд Крутикова, который шел в авангарде, встретился с аринскими князьками Татушем и Абытаем [реальные персонажи, но впервые упоминаются позже]. Два отряда одного из местных племен стояли у енисейского порога, разведывать который и отправился Крутиков. Аринцы были дружелюбны, особенно после того, как получили дары от подошедшего основного каравана, что большей частью шел Енисеем.

Полученная информация была крайне важна для понимания реалий. Тут было все очень сложно и Чулков с Крутиковым поняли, что им повезло, что первая встреча с местным населением оказалась дружелюбной. Немало тут обитало и агрессивного народа, да и то, что южнее идет постоянная борьба за данников между джунгарами, киргизами и иными народами, давало разумение, почему государь столько внимания и средств вложил в экспедицию. Если становится тут малым числом, то никак не превратиться в силу, постоянно будут шпынять и проверять на прочность.

Интересным было и то, что в земле, куда и направлялись чуть менее пяти тысяч русских людей, уже есть казаки. Причем, в Тюлькинской земле, как называли казаки эти края по имени князька Тюльге, среди казаков имели главенство не бывшие донцы, или яицкие станичники, а остяцкие князьки Урнук и Намак [реальные предводители казачьих отрядов, которые некоторое время обитали на месте Красноярска]. Получалось, что уже имеет место быть некоторая коммуникация между русскими и местными племенами, если казачий отряд, пусть и полуполюгальный, возглавляется местными князьками. И это, как понимал Чулков, хорошая тенденция.

Передовой отряд Чулкова тюлькинскими казаками был встречен неприветливо, произошла стычка, в ходе которой Чулков получил первые боевые потери. Пять казаков, что были в передовом отряде, не вернулись к основным силам.

Дело было весной, в конце марта, и нужно было задуматься о посевной, для чего разбить ляды и начать выжигать землю для посевов или выбирать удобные степные зоны. Но как это делать, если в небольшом острожке засели до сотри казаков с представителями местных народов и ведут себя агрессивно. Да и в целом государь предписывал пускать оружие в самом крайнем случае.

В сентябре прошлого года, когда Чулков с отрядом верховых уже собирался догонять вышедших из Пермской земли и Казани отряды «русских конкистадоров», его неожиданно вызвал к себе царь.

Чулков никогда не забудет этот разговор с государем. Казалось, что государь-император Дмитрий Иванович знает все. У него на столе была нарисована большая карта, на которой разными обозначениями начертаны реки и какие-то знаки. Чулков быстро увидел реку Тобол, на которой он уже бывал. Далее Федор Данилович всматривался в те реки, которых он никогда еще не видел. А царь все рассказывал и рассказывал.

– Ты, Федор Данилович, не руби с плеча, и даже, когда местные племена станут нападать, войну с ними начинать нельзя. Показать силу – да, потребовать выдачи виновных – обязательно, но только разговором. Чем раньше возьмешь в заложники детей племенных вождей, тем быстрее наступит мир и начнет поступать ясак. Пришлешь тех детей ко мне, а они уже тут послужат в царской страже. После и отпущу обратно.

Чулков и сам понимал, что, если начнется подлая война со стороны тех же тунгусов, а еще и агрессивных енисейских киргизов, то останется только запереться в острогах и лишь периодически использовать грубую силу. В долгосрочной перспективе подобное приведет лишь к крови, но никак не будет содействовать сбору ясака. Одна из главных причин, зачем вообще идти далеко на восток – это рухлядь. Не будет ее и все мероприятия в Восточной Сибири станут убыточными, если не разорительными для державы.

С казаками, что укрылись в «Тюльгинском городке», удалось решить дело миром, а вот с ханом Тюльге в итоге повоевали. Хан сам привел своих конных воинов, а также отряд хотогойского сотника Алтын-хана. Было непонятно, отчего пять сотен воинов местных племен решились напасть на более, чем три тысячи русских воинов, но Тюльге был схвачен, как и сотник Алтын-хана Лубсан. Тюльге пришлось отдать своего старшего сына, две дочери и десять сопровождающих к ним в аманаты [заложники].

Государь повелел у всех знатных вождей брать старших сыновей в заложники или как это еще называлось – тали. По словам царя только уважительное отношение к святыням местных племен демонстрация силы и заложники, с которыми будут обращаться вежливо и учтиво, станет залогом для мирного сосуществования. А мир – это нескончаемый поток пушнины и, как по большому секрету сказал государь, «не мехом единым богаты те земли».

Государь указал на карте, где может быть найдено золото. Указал, как теперь понимает Чулков, не совсем точно. Государь говорил, что золото на притоках реки Кия, но на карте эта река показана неправильно. Однако, Дмитрий Иванович указывал на то, что не все в карте может быть верным.

– Федор Данилович, идти, в версте ужо. Идуть вместе, – заговорческим шёпотом сообщил сотник передовой казачьей сотни Степан Юшков.

– Почему не докладываешь, сколько их? – спросил Чулков, поправляя свой юшман.

– Не более двух сотен, – отвечал казак.

– Значится, не воевать идут, а говорить, – сделал вывод Чулков и небольшая толика напряжения ушла.

На самом же деле губернатор Енисейской губернии, именно так – создавалась новая административная единица – успокаивал себя. Что случится, если вожди заартачатся? Бойня? А дальше? Придется ходить большими отрядами по территории образованной губернии. Бояться даже рыбу ловить в Енисее и его притоках, не говоря уже о том, чтобы спокойно зани-

маться земледелием. Да, скорее всего, даже в таких условиях губерния сможет приносить доход в царскую казну, но можно же все сладить намного лучше.

Через час представители местных родов вышли на поляну в сопровождении не менее двадцати воинов, оставляя остальных на опушке куцега леска. Переговорщики спешили, что уже было предвестником возможности договориться.

– Мир вам! – сказал Федор Данилович Чулков на тунгусском диалекте.

Губернатор поднял руки и развернул ладони. Это был почти что интернациональный жест, демонстрирующий мирные намерения, мол, я без оружия и дурных помыслов. Ну а несколько фраз на родном для местных языке, как посчитал Чулков, должны благотворно повлиять на исход переговоров.

– И мы хотим справедливого мира, – сказал хан Тюльге, а еще трое вождей кивнули головами.

Сын Тюльге уже готовился, с первой возможностью, отправиться в Москву в качестве аманата, как и две его сестры, весьма, впрочем пригожие ликом. Там он, как и иные сыновья вождей, поступят на обучение в один из гвардейских полков. Государь хотел взрастить абсолютно лояльных наследников «енисейских» князьков, как, впрочем, подобное предполагалось делать и с другими вождями встречаемых народцев. Через пять-семь лет парни могут вернуться сюда, в Енисейскую губернию и даже получают должности.

И такая практика работает, о чем уже успел убедиться Чулков. Спесивый Тюльге привел своих бывших данников, чтобы те сами договорились с пришедшими русскими. Если все сладится, а они обязательно договорятся, то не менее тридцати пяти тысяч подданных сразу же войдут в Енисейскую, или Красноярскую губернию Российской империи.

– Ты привел много воинов, строишь на наших землях крепости, боишься нас? – с ухмылкой спросил князь Миргачан, а переводчик споро пересказал слова вождя на русском языке.

Толмачом выступал, пленный тунгусами ранее, казак с Тобола.

– Если мы обкладываем вас ясаком, то и защитить должны уметь. От того и воинов много и от вас так же воинов требуем, когда время придет, – Чулков дружелюбно улыбнулся.

Радостное настроение губернатора не было разделено местными князьями. Они не так, чтобы верили словам, больше было доверия своему клинку и луку. Но воевать против пришлых оказывалось сложным. Только в городке, что они назвали Красноярском, было не менее двух тысяч воинов. Уже ставятся другие остроги по три-четыре сотни жителей, в основном воинов. Но хватит ли этого, чтобы противостоять джунгарским отрядам, или киргизским? Ранее местные племена то с джунгарами были в союзе, то с киргизами замирялись. Но что даст новая сила? Понятно было их смятение.

– Мы станем выплачивать ясак, с полной мере, не будем чинить препятствий тому, что вы начнете палить лес и занимать луга под свои пашни. Но это будет только до тех пор, пока не придут иные и они не разобьют вас, – говорил все тот же Тюльга. – От того, прошу слова твоего. Ты отдашь нам наших детей, если проиграешь войну с другими народами.

– Даю слово! – торжественно произнес Чулков, догадываясь, что вожди даже не имеют понятия о расстоянии, которое будет разделять их от наследников.

Было видно, что Тюльга, как ранее старший в регионе, лишь озвучивает общую позицию. Сам же князек прятал глаза. Он сильно потерял в силе, когда решился напасть на один из отрядов Чулкова. А теперь его старший сын был у губернатора и готовился отправить в далекое путешествие, не осталось и дочерей, которых можно было выгодно выдать замуж для собственного усиления [в РИ боевые действия с киргизами и тунгусами, как и с другими народностями по соседству, были частыми и не всегда в пользу русских конкистадоров. Уже потому, что отряд в триста человек в этом регионе был крупным воинским соединением. Русские стали вести себя с явными переборами в отношении местных, но взятие в заложники детей князьков, позволило частично решить проблему].

– Я принимаю такой подход, – сообщил Чулков и покосился на капитана Ивана Крутикова, который был приставлен к колонистам ведомством Захария Ляпунова.

– Мы ждем от вас детей, а так же молодых воинов, которых сами станем обучать и с нашим оружием. У нас мало женщин и не желаем насилия. Потому, если кто захочет получить выкуп за невест, приводите, будут им хорошие мужья. Веру свою насаждать не станем, но жонки должны становятся православными. Ну а вы не гоните наших монахов! Они расскажут вам о Боге, ну а после сами решите: приниматься ли Христа в своем сердце, или нет, – озвучил остальные условия сосуществования Иван Иванович Крутиков.

Князьки переглянулись и после отпросились посоветоваться. Уже через полчаса начался обмен подарками. Губернатора завалили шкурками соболей и даже горностаев. Это была добрая рухлядь, хорошие тут водятся соболя, можно задорого их торговать. Отдариться решил и Чулков. Но тут было оружие. То, что трофейные с польской войны, клинки и древковое оружие будет переданы лояльным местным князькам, оговаривалось ранее, еще в Москве. Это показывало и богатство пришлых и то, что они не стеснены в выборе оружия, тем самым сильны. Ну и те племена, которые станут сотрудничать с Россией и станут подданными русского государя, должны быть сильнее остальных. Тогда и лояльность сохраниться, ну и меньше нужно будет гонять свои отряды для решения мелких проблем.

Выдав еще шерстяных одеял, стеклянных бус и несколько пудов алкоголя, Чулков выдохнул, провожая взглядом, как уходят местные князьки, а вместе с ними обученные счету казаки. Нужно осмыслить, сколь много тут народа и сколько можно с них поиметь налога. Все должно быть системно, чтобы исключать частные инициативы по разграблению местных народцев. При этом, в иные русские твердыни в Сибири были разосланы реляции-указы, по которым воспрещалось брать дань с местных без одобрения губернатора. Кто ослушается, тот будет вне закона, и сами тунгусы, или иные народцы, имели право бить тех воров.

Ровно через месяц, когда был собран первый урожай и закуплено немало мяса у местного населения, собран ясак, русских попытались проверить на прочность. Появились енисейские киргизы, да еще числом в пять сотен, что было не просто набегом, но, по местным меркам, полноценными военными действиями.

Как раз из Тобольска прибыли десять пушек, потому киргизы сразу же получились мощно и основательно. Неприятелю дали возможность близко подойти к Красноярску и вдрали со всех орудий. После выскочили на конях казаки и добились нападавших... всех, не щадя людей. Так решил Чулков. Губернатор посчитал, что лояльность русских к местным может восприниматься, как слабость. В таком разе беспощадный, жесткий, разгром киргизов покажет всем местным князькам, кто в доме хозяин.

Трофеи были весьма кстати, так как некоторые казаки, ранее бывшие конными, остались без своих копытных боевых товарищей, ну или подруг. Немало коней по тем или иным причинам были потеряны во время долгих переходов. Жаль было того, что больше половины коней теперь пойдут в пищу, скорее на обмен с тунгусами в качестве мяса. Но, когда казаки вышли добивать киргизов, станичники скорее себя подставляли, но по вражеским коням не стреляли, стремясь их захватить. Может от того и погибли шестнадцать казаков.

– Что скажешь, боярин-губернатор? – спросил Иван Крутиков, наблюдая, со стен города, как казаки с азартом раздевают погибших киргизов.

– А что сказать? Спаси Христос, что они пришли уже тогда, как мы урожай собрали, – Федор Данилович Чулков развел руками. – Разведку нужно сильно увеличить по весне, чтобы знать о набегах. Нас будут пробовать на зуб и далее. А засеяться нужно. Вот картошки какой урожай добрый собрали! Уже ею прокормиться со следующего года можно будет, если удастся посеяться по весне.

– Картошки? Ты о потате речь ведешь? – спросил Крутиков.

– Так государь потат картошкой называл, вот и я перенял, – Чулков пожал плечами.

Эти двое успели и поссориться, меряясь своими полномочиями, потом помириться и снова разругаться. Но два мужчины были достаточно умны и без излишних претензий на возвеличивание, потому смирились с необходимостью работать вместе. Ну а за последние два месяца Крутиков с Чулковым смогли все же разграничить свои обязанности, и капитан Крутиков Иван Иванович стал открыто подчиняться губернатору.

– Ты, Федор Данилович, думай о том, как сажать станешь хоть картошку, хоть потат с маисом, а мое дело будет сделать так, чтобы никакие киргизы более нам не мешали. Посмотришь опосля мой план по крепостицам южнее, ну и бить нужно по самим киргизам, а не ждать их у себя. Силы у нас есть, а на следующий год, может, и еще больше будут. Чем кормить-то? – Крутиков улыбнулся.

– А еще твои слова о бабах... уже более шести десятков свадеб сыграли. Едоки только прибавляются. Еже ли не сладится с урожаем, то голод великий будет. Так что думай о том, что часть воинов придется забрать для охраны землепашцев, да и самих поставить в плуги и сохи, – губернатор полностью погрузился в свои мысли.

* .....*

Москва

30 сентября 1608 года

– Да пойми же ты, он – самозванец! – выкрикнул Матвей Михайлович Годунов.

– Он... он хорошо ко мне относится... – Ксения Борисовна понурила голову.

– Ты же знаешь, Ксения, что это он присвоил имя убиенного Димитрия Иоанновича и твоего брата с матушкой убил. Тебя так же травили. Как же ты можешь прощать такое? – выговаривал своей дальней родственнице Голова Тайного Приказа.

– Как можешь ты, кому государь доверился, говорить такие вещи? Что было, бывшем поросло. Я чту память своих родных, но Димитрий Иоаннович сам повелел посадить на кол Мосальского, который и убил родичей моих, – Ксения сопротивлялась, не желая думать, лишь чувствуя.

Матвей Михайлович Годунов выбрал удобный случай, чтобы подойти к царице. Все знали, что у нее с царем наступил разлад. Но никто не знал иного, что это сама Ксения закатила истерику. Женщина любила своего мужа, но все равно она держала в голове факт, что именно тот, кто сидит на царском стуле, стал причиной убийства ее матери и брата. Но... не хотела принимать это. Раньше, да, думала о мести. Но сейчас... ей хорошо, как не могло быть ни с кем.

А Годунов, в свою очередь, не так уж и хотел плести заговор. Раньше, пока не родился наследник престола, Матвей Михайлович смирился со своей участью и даже вполне сносно руководил своим ведомством. Между тем, он подбирал нужных людей, которые могут быть способными поддержать вероятные решения Годунова. Не много не мало, но Матвей Иванович, как только родился Иван Дмитриевич, готовился стать регентом при малолетнем царе. Хотел, очень хотел, но и малодушничал. Армия сейчас вся целиком под контролем государя, который, в этом был уверен Годунов, являлся самозванцем.

Единственная возможность сместить того, кто назвался царем, был яд. В этом направлении так же сложно работать и что-либо сделать, если только не втянуть в дело Ксению. Она может и яд грамотный подобрать, чтобы вызвать меньше подозрений. Но, что самое главное, именно она и может подсыпать отраву государю. Он слишком доверял жене, а Годунов считал, что сможет убедить родственницу.

Он ошибся. Возник фактор любви и привязанности. Ксения любила своего мужа. Матвей Михайлович рассчитывал на то, что она стала в последнее время часто с ним ругаться и потому решиться на поступок. Годунов мог бы и дальше мириться со своей участью, если только полу-

чил много власти и возможности залезать в казну. Но он только лишь получал положенное по спискам от Василия Петровича Головина, не имея возможности к быстрому обогащению. Даже земли не нарезал государь.

– Ты меня выдашь? – спросил Годунов.

– Нет, – уверенным тоном отвечала, неуверенная в своих словах, Ксения.

Она, действительно, не знала, что делать с родственником. Но была уверена, что такого женского счастья, что имеет, больше никогда не ощутит, если муж умрет. Ну а что касается ругани... не так, чтобы ее и много. Ну повздорили они, когда Димитрий уезжал в Тулу и дальше по всяким местам. Ксения сама хотела отправиться с ним, прочувствовавшая активную жизнь, женщина хотела и дальше заниматься делами. Но дети начали съедать много времени, несмотря на всех мамок и нянек. Димитрий отказал, она настаивала, муж указал ей место. Но разве это повод к тому, чтобы ссориться? Приедет, подарит что-то, но, главное... себя.

– Скажи, почему ты его предаешь? У тебя есть важное дело... Я знаю, что это ты решил проблему с Нагими, жестоко решил. Так почему? – спрашивала Ксения, пытаясь не расплакаться.

Годунов хотел рассказать, что Нагие были бы главным препятствием на пути становления его, Годунова, регентом. Этот род мог бы сам претендовать на регентство при малолетнем Иване. Сейчас этой проблемы нет. Есть другие, к примеру, Скопин-Шуйский, но его достаточно будет отстранить от дел. Ну или как иначе решать, тем же ядом. Все равно, вначале нужно убить самозванца.

– Я, взаправду, думал служить, но для тебя и подле тебя. Токмо, сколь мне дали полномочий? Худородный Ляпунов и тот в большем уважении у государ... у него. Выискивать крамолу? Да и только? Войск не доверяет, славу не дает добывать... – сокрушался Годунов, говоря полуправду.

Да, он хотел служить, но предполагал, что его служба будет столь важной и решающей, что станет рядом с царем. А быть с государем – это воевать. Все, кто ляхов бил, в газете написаны, их подвиги восхваляются Мининым. Но никто не говорит о героизме Годунова. Напротив, с Матвеем Михайловичем не считаются, бояре его... сторонятся, страшась, чтобы Годунов не подумал чего на них.

– Приходи завтра на обед! Я скажу тебе свой ответ, – решительно сказала Ксения.

– Да, царица, – Матвей поклонился и вышел.

– Эй, кто там? – выкрикнула Ксения, когда родственник уже ушел.

Сразу же вошла Ефросинья. Это настораживало Ксению. Была, значит, где-то рядом. Впрочем, решение уже принято.

– Ты? Что слышала? – спросила Ксения, сразу же себя демаскируя.

Значит, было что услышать. И это поняла прозорливая царская ключница.

– Я, царица, ничего не слышала, – спешно, скороговоркой сказала Фрося.

Ксения поняла, что и сама себя обнаружила.

– Я... Государь не должен знать! – замялась царица. – Я сама решу.

– Государь прислал гонца, что он на подъезде. Завтра будет, – сообщила Фрося, проигнорировав слова Ксении.

Для Ефросиньи государь-император был многим, но, главное, что с его смертью закончится и женское счастье женщины. Ермолай, ее муж, предан царю полностью и будет защищать того даже, если царя и убьют. Пусть рядом с мертвым телом, но Ермолай пойдет на смерть и ради памяти о благодетеле. Поэтому, Фрося не собиралась ничего скрывать.

Вот только, Ефросинья ничего и не слышала. Она подошла к двери уже тогда, как ее открыл Матвей Годунов. Но то, как вела себя царица...

– Государыня, царица, Ксения Борисовна! – Фрося плюхнулась на колени. – Коли умышляешь, что супротив мужа своего, то убей меня сейчас, ибо не позволю я в ином случае твориться злу.

Ксения силилась не плакать, но все же разрыдалась. Две женщины в голос заревели, вымещая свои страхи. Слезы – защитная реакция для многих, но женщинам можно быть слабыми и они часто прикрываются слезами. Вот только проблема не уйдет сама собой даже с вытекающей из глаз влагой.

– Я приготовлю яд... – всхлипывая, сказала Ксения, а Фрося отстранилась.

– Царица! – Ефросинья с ужасом смотрела на ставшее, вдруг, решительным лицо Ксении.

– Матвею не жить... – уточнила Ксения.

.....

Успели. Мы все-таки успели собрать урожай. В сентябре минусовая погода? Это чем же прогневили Бога? Как там на остальных ипомещенных землях? Надеюсь, что и большинство вотчинных и поместных полей все-таки убраны. Так-то погода ранее была вполне благоприятной, не сухой, ни дождливой, потому урожай предполагался хороший, достаточный, чтобы обойтись без голода.

Осознание того, что часть даже собранного может быть потеряна из-за скорых морозов, не добавляло хорошего настроения. Мало сушилок, помещений для хранения, нет быстрой обработки продукта. Вот куда нам столько огурцов? Не рассчитали и насадили больше того, что могли съесть или законсервировать. Соль... вот что нужно.

На Баскунчак была отправлена экспедиция. Ну как экспедиция – все-таки более-менее наши, относительно, обжитые места. После того, как была уничтожена угроза ногайских набегов, да проведена разъяснительная беседа с чувашами и мордвой, чьи князьки приезжали в Москву еще в прошлом году, озеро Баскунчак только и ждало начала добычи соли. Вполне же транспортабельно получалось – всего в пятидесяти пяти километрах от Волги. Сложность в том, что озеро находится в степи, от чего любое поселение там будет еще долго находиться под угрозой нападения любого лихого отряда, хоть и тех же казаков.

Да, проведена работа, кочевники обещали, а ногайский мурза, который там имел кочевья, согласился заниматься разведкой и охраной. Это был один из тех вождей ногайцев, который встал на нашу сторону в недавних событиях. Чтобы еще более «подмаслить» ногайского князька, я обещал ему долю в соледобыче, как бы в оплату за охрану. Такой себе ногайский рэкет получался. Но вопросы безопасности – они первостатейные.

Можно же приучить экономику к большому количеству соли, которую станут возить из Баскунчака, где этот минерал чуть ли не с земли бери и сразу употребляй. А что, если поток иссякнет? А у нас уже уменьшится доля менее перспективных солеварен? Так можно и обрушить всю экономику за раз. Так что лучше и лояльных ногайцев держать в охране на дальних рубежах, ну и гарнизон из стрельцов занять.

Строиться только там крайне сложно – деревьев нет, да и с кирпичом никак. Мазанки делать? Придется напрячься и все-таки еще больше леса спустить в следующем году по Волге, а после тащить эти бревна по степи.

Так что соль в следующем году должна быть и как товар, и как фактор развития экономики в целом. Были мысли еще добывать соль под Бахмутом. Мысли остались, но возможностей особых нет.

Там сейчас уже частью выстроен укрепленный район и все усилия направлены только на то, чтобы сохранить созданное. Татары мелкими отрядами рыщут по округе, копытами бьют, ну а зазевавшихся и саблями. Так что еще годик, чтобы насытить оборону региона и тогда можно будет думать и о добыче соли и, с чем черт не шутит, угля в будущем.

Что же касается урожая, то зерновых получилось собрать в среднем сам восемь. Это с тем, что старались удобрять, часть земель распахали плугами, занимались опылением, когда по полям бегали с веревками. Но только так. И пусть Лука радуется, что такого урожая он еще не видел и это достижение, мне не дает успокоиться тот факт, что даже с не особо лучших земель в будущем станут собирать в среднем сам 25. Калийных удобрений добыть. Ну, или селитры, которой пока не хватает и на порох.

Думал, что картофель, да без колорадского жука, как даст урожайность... Дал, не без этого, но другой напасти оказалось немало. Майский жук, как и медведка немало сожрали картошки. Ну и часть испортили крестьяне, когда без надзора, а за всем не уследишь, оставляли надолго картофель на солнце. Были случаи и отравления позеленевшими клубням. Кроме того, мала картошка, и с кулак крайне редко найти можно картофелину. Ничего, картофельной мелочи так же применение найдем: или на корм свиней, или на крахмал пойдет.

Подсолнечник вновь оказывался малопригодным для производства масла. Но чуть лучше вышло, чем в прошлом году. Значит, выборка более крупных семян, все же имеет смысл. Хотя на нужды двора масла уже хватит на год.

Кукуруза еще больше разочаровала на севере от Тулы, но порадовала в Астрахани и даже под Рязанью и Белгородом. На севере она просто росла кустиками по пояс без нормальных початков. А вот под Астраханью – вымахала, как надо, с двумя, порой и тремя крупными початками. Теперь еще нужно объяснить людям, что с этим делать. Почему бы не употреблять в пищу мамалыгу из кукурузы, если это будет более доступным, чем выращенная пшеница, дающая небольшие урожаи.

А еще немало земель было засажено овощами. Я вот ожидал, чтобы кабачки стали, как в покинутом мной будущем. Когда один кабачок может переходить из рук в руки за сезон по несколько раз из-за большого количества выращенного овоща. Осенью сложно было найти семью, где не было бы в избытке кабачков. Я и думал, что месяц-другой, но даже кабачки с разными тыквами, помогут прокормить людей. И... уверен, что в будущем так и будет. Кабачки давали неплохой урожай. Тыквы не гиганты, но так же пригодятся, тем более, как я знал, они чуть лучше иных овощей хранятся.

Остро стоял, и до сих пор не решен, вопрос распространения новых культур. Даже не так. Существует проблема культуры употребления новых продуктов. В страже, то есть гвардии, легко заставлять есть новое и там уже знакомы с кабачками, и познакомятся с тыквой.

На моих землях так же идет полным ходом пропаганда картошки в компании с другими культурами «колумбового обмена». В газете пишут постоянно и о том, как выращивать, и как есть, и как хранить. Не жалеем бумаги на «ликбез» населения, был бы толк. Пока, как мне сообщают, на рынках Москвы лежат новые виды овощей, но они только собирают вокруг себя любопытствующих зевак. Приходится идти путем маркетологов будущего и устраивать дегустации. Ну и есть парочка священников, которые на дню по пару раз освящают овощи при скоплении людей. В церквях так же слышатся призывы есть новые продукты, что они не противоречат религии и полезны в пост. И я добьюсь того, чтобы рацион питания населения Российской империи был максимально разнообразным. А там пусть сами люди выбирают, что им есть и выращивать.

Вместе со всем сказанным об успехах или неудачах в сельском хозяйстве, главное – голода не будет, но нужно сохранить урожай, не взирая на наступившие, вдруг, холода.

– Ермолай, проверь наш обоз! Они же мне все зеркала побьют! – я переживал за весь тот скарб, что везу из Гуся.

– Да, государь, нынче же, – без энтузиазма отвечал мой верный Санчо Панца.

За день я могу раз десять потребовать от своих телохранителей, да и обозников, чтобы еще раз проверили шедевры, что я везу из города, претендующего на звание «Второй мировой столицы стекла». Пока второй... до объемов производства Венеции нам еще предстоит

пройти долгий путь, но Прагу, уверен, уже обгоняем не по количеству, а по качеству и ассортименту производимого. У нас есть три великих мастера: саксонец Каспар Леман, односторонний венецианец Якобелло Баровье и чех Янек Урбанек. И все они уже русские люди, даже, если и не догадываются об этом. Тут так... или продолжайте работать, и все у вас будет, или смерть. Но никого из Гуся я не выпущу за границу.

Леман такую красоту сотворил на хрустале, с серебряным литьем, или как эта техника называется, огранкой, чередованием цветов зеленого-синего-красного. Я никогда не видел такой красоты. Вазы, чаши, кубки, фигуры зверей – это великолепно с эстетической стороны, и превосходно с коммерческой и даже с политической. Я подарю некоторые вещи персидскому посольству, что меня ждет в Москве, а так же пару вещей в дорогу презентую Сапеге.

Урбанеку получилось создать хрусталь, путем подбора пропорций добавления свинца в стекло. И теперь обустроивается целая мануфактура по производству хрусталя. Рядом располагается мастерская Лемана. Ну а венецианец Якобелло Баровье руководит созданием зеркал и бус. У нас лучшие зеркала. Прежде всего, из-за того, что используем технологию, при которой стекло раскатывается, а не так, как на острове Мурано, когда разрезался пузырь из стекла. Потому наше зеркало должно стоить не менее, чем муранское, если, конечно так же его украшать красивыми и дорогими оправками.

А еще в Гусе варят огромное количество стеклянных бус, в том числе и по венецианской традиции с цветочками, типа, ромашки. Кроме того, за что отрубили руку Якобелло в Венеции, за это он получает поощрение – за подделку драгоценных камней из стекла. Те же кубки, что подвергаются художественной обработке Лемана, украшаются такими подделками.

Да! Объемы пока малы, из-за того, что толковых работников немного, но накопление товара идет, а учеников у каждого мастера не менее пяти, Якобелло вообще открыл что-то по типу профессиональной школы. Уже скоро, а через год – это скоро, мы выйдем на рынки Персии и Европы. И заработаем большое количество серебра, а то и золота. Вот тогда и начну финансовую реформу, на которую пока не хватает серебра даже с присылаемым Строгоновыми.

Сложностей в Гусе было много. Тот же Леман затребовал своих родственников, недавно их привезли, с большим трудом. Потребовали мастера, а это не только три иноземца, но и более десяти иных специалистов, и священников, как ксендза, так и протестантского пастыря. Но достаточно было, что им никто не указывает, как молиться и собираться для молитв. Я же обещал, при возможности, решить и эти проблемы. В Гусе так же открыты уже две таверны без ограничений в вопросе алкоголя. Конечно, так мои же напитки пьют! Этот город уже закрытый и с особыми правилами. Там есть православная церковь, но, вплоть до разрыва отношений, я потребовал от Гермогена не лезть в Гусь со своим уставом. Часть доходов, как и произведенных шедевров, пойдут на нужды церкви, потому, Гусь становится городом контрастов, может именно здесь будет первый русский театр, или цирк.

– Ты проверил обозы? – спросил я.

Вот сейчас даже я сам себя послал бы по матушке. Но такое богатство в обозе, что дышать опасаясь. Этого не понимает Ермолай, который не может проникнуться возможностями, что открываются с развитием передовой русской стекольной промышленности.

– Проверил, государь, нынче же проверю еще раз, – сказал Ермолай и с видом великомученика, направил своего коня в сторону обоза.

Что я увидел во время своей долгой поездки? Да то, что Россия жива и что нас ждут большие перспективы. Соборное Уложение народом, как мещанами, так и дворянством, воспринято благосклонно. Они становятся моей главной опорой в свершениях. Даже возврат к Юрьеву Дню с возможностью перехода к другому помещику, поддержали. Хотя именно дворяне должны были быть незаинтересованные в подобном, так как малоземельные служаки не могут составлять серьезную конкуренцию крупным землевладельцам в деле привлечения кре-

стьян. Но в Уложении четко прописано то, что собственность, будь она частная, или дарованная царем – незыблема, ну и объясняется понятие «аренды» земли. Проводятся ревизии с составлением особых земельных книг с подписью и печатью воевод, нарушать границы, описанные в книгах – большое преступление.

– Государь! Передовой дозор остановил вестового из Кремля. Пропустить? – сказал Ермолай, счастливый, что может сделать что-то кроме надоедливых проверок обоза.

– От кого? – спросил я.

– Так... от Фроськи, государь! – растерянно отвечал Ермолай.

Муж в ответе за дела жены, потому Ерема и растерялся, какую весть может прислать государю его благоверная. Может баба только отвлекает императора от его дум о радении державы.

* ..... * ..... *

Полоцк

1 октября 1608 года

Два закадычных врага стояли друг напротив друга. Вот только роли у них поменялись. Когда-то гетман Жолкевский подарил лисью шубу поверженному шведскому военачальнику Делаярди, чтобы швед согрелся. Сейчас уже Якоб Пунтусс Делаярди сделал ответный жест, но... одарил соболиной шубой своего подмерзающего соперника [обмен шубами – реальный эпизод противостояния между Делаярди и Жолкевским].

– Вы как-то не дали замерзнуть мне, нынче я не дам продрогнуть от холода вам, – сказал шведский генерал, разглаживая свои рыжие усы.

– Благодарю, – отвечал польный гетман, после чуть замялся и продолжил. – И не только за это.

К шведам под Полоцк пришло подкрепление в пять тысяч солдат с десятью полевыми пушками и сразу оказалось, что осаждавшие город польские войска, теперь в сложной ситуации. Шведов и численно больше, и крепость их, даже подкрепления шведский король шлет, в отличие от польского монарха Сигизмунда. Но Речь Посполитая оказалась не готова к серьезной войне. Шляхта не хочет идти умирать за короля, как это было после призыва Стефана Батория. Тогда получилось разбить московитов, нынче же случилось наоборот, да еще и противоречия от нерешенных проблем, которые спровоцировали рокош Зебжидовского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.